

18+

Константин Петришин

**ПОД СЕНЬЮ
ЖЕЛТОГО
ДРАКОНА**

ТОМ 2

Константин Петришин

Под сенью жёлтого дракона. Том 2

«Издательские решения»

Петришин К. Д.

Под сенью жёлтого дракона. Том 2 / К. Д. Петришин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-609190-0

За основу написания романа взяты события, связанные с пребыванием в Особом районе Китая легальной группы советских разведчиков — официальных представителей ТАСС и Коминтерна в период с мая 1942 по ноябрь 1945 годов. И о непростых отношениях, которые складывались у руководителя группы Владимирова с Мао Цзэдуном и его окружением, в том числе и с его супругой Цзян Цин, начальником службы безопасности Особого района Кан Шэном. Книга является частью ранее опубликованной.

ISBN 978-5-00-609190-0

© Петришин К. Д.
© Издательские решения

Содержание

Часть третья	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	24
Глава четвертая	33
Глава пятая	40
Глава шестая	52
Глава седьмая	61
Глава восьмая	72
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Под сенью жёлтого дракона

Том 2

Константин Дмитриевич Петришин

Редактор Елена Константиновна Петришина

Корректор Светлана Викторовна Мазникова

© Константин Дмитриевич Петришин, 2023

ISBN 978-5-0060-9190-0 (т. 2)

ISBN 978-5-0060-9191-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть третья

Глава первая

1

Пятого января во второй половине дня в доме появился секретарь Мао Цзэдуна Дэн Фа и передал Владимирову приглашение Мао Цзэдуна послушать с ним старинную китайскую оперу в исполнении местных артистов.

– ...Опера будет дана в нашем павильоне в четыре часа дня, – уточнил Дэн Фа.

В распоряжении Владимирова оставалось ещё два часа. До Яньцзалина было не более получаса ходьбы, однако Владимиров вышел из дома пораньше – слишком скользкая была тропа. А ехать верхом на лошади он не рискнул. Да и погода выдалась, как говорил Орлов, «нелётная». Кругом, куда хватало зрения, простиралась мрачная картина: снег, местами покрытый лёссовой пылью, к концу дня подмораживался, и вся округа сковывалась ледяным панцирем. От быстрой ходьбы стало жарко. Владимиров расстегнул ватную куртку, и холодный воздух приятно освежил грудь. Он только на одно мгновение, на ходу закрыл глаза, и в его сознании всплыл осенний лес Подмосковья, таинственно шумевший под напором лёгкого ветра и роняющий на притихшую землю багряную листву... Владимиров открыл глаза и с ужасом увидел, что стоит в двух шагах от обрыва в ущелье...

...Мао Цзэдун и Цзян Цин уже ждали его у входа в своё жильё. Владимиров не мог обратить внимание на то, что Мао был одет слишком просто для публичного посещения оперы. На нём была поношенная ватная куртка, ватные штаны, а на ногах войлочные туфли. Но более всего Владимирова поразила шапка-кепи на голове Мао с поднятыми вверх наушниками. Зато Цзян Цин выглядела безупречно. Приталенный элегантный полушубок подчёркивал её стройную фигуру. На ногах замшевые ботинки на застёжках, а на голове шапка из белого меха. Все говорило о её хорошем вкусе. Владимиров поздоровался с Мао за руку. Цзян Цин только сдержанно кивнула головой и опустила глаза.

– Ну что, товарищ Сун Пин, – проговорил Мао. – Мы готовы. Идём?

– Идём, – ответил Владимиров.

До павильона было не более полукилометра. Цзян Цин шла впереди, Мао и Владимиров шли за ней.

– Пусть это не покажется вам, товарищ Сун Пин, странным, – сразу заговорил Мао, – но я всегда с большим уважением относился к вашей стране, хотя и ни разу в России не был. Я прекрасно понимаю, в каких тяжёлых условиях приходится воевать вашему народу, однако я уверен: не за горами время, когда Советский Союз одержит победу над Гитлером. – Мао Цзэдун на какое-то мгновение прервал свою речь, старательно стряхнул с воротника куртки снежные крупинки, которые начали сыпаться с низкого неба, затем продолжил: – Сегодня мы подошли к такому рубежу в наших отношениях, когда единство антияпонских сил становится необходимой реальностью. В этом деле роль Коминтерна была заметной... Я полагаю, с роспуском Коминтерна кто-то поторопился. Я не говорю, что Исполком Коминтерна во всём был прав... Тем не менее, он сыграл положительную роль в международных делах...

Последние слова Мао настолько удивили и поразили Владимирова, что он не сдержал себя и сказал.

– А мне почему-то казалось, что в Яньани роспуск Коминтерна был воспринят с воодушевлением, как избавление от вмешательства в ваши дела...

Мао Цзэдун усмехнулся.

– Это были эмоции, связанные, порой, с ложным чувством собственного достоинства. Но, если эти чувства не отражают истины, то и наш разум окажется в ложном положении, а путь ошибочным, – витиевато ответил он...

Когда, наконец, дошли до павильона, Владимиров увидел здесь много народа и особенно молодёжи. Скорее всего, это были студенты университета и учащиеся гимназии. Большой зал павильона тоже был полон народа. Мао Цзэдун поздоровался со всеми вялым помахиванием руки и вместе с Цзян Цин и Владимировым прошёл к отведённым дня них местам.

Только тут Владимиров обратил внимание на то, что, и когда они шли, и здесь, не было охранников.

К ним тут же подошёл Жень Биши и сел рядом с Мао. Пока они о чём-то тихо говорили, Цзян Цин пояснила Владимирову.

– Опера, которую мы будем слушать, называется «Красавица». Она написана была в сто восемнадцатом году до новой эры на слова выдающегося поэта ханьской эпохи Сыма Сянжу...

В это время Мао Цзэдун повернулся к Владимирову и, прервал Цзян Цин словами:

– Товарищ Сун Пин, после оперы мне необходимо кое о чём с вами поговорить... Так что вы сразу не уходите.

Спектакль начался под восторженные аплодисменты огромного зала. Владимиров порой искоса поглядывал на Мао. Тот был весь поглощён происходящим на сцене. Во время коротких пауз в спектакле Цзян Цин наклонялась к Владимирову и тихо спрашивала: «Вам нравится?» Тот в ответ молча кивал головой. Владимирову поражаало в опере множество музыкальных инструментов: гонгов, барабанов, трещоток и двухструнных скрипок, которые музыканты держали на коленях. Не менее поразительны были и яркие персонажи в масках: генерал, старик, императрица, учёный, девушка, предатель, шут и все в шелковых костюмах. Одни – в красных, что символизировало, как подсказала Цзян Цин, честь и храбрость, другие – в черных, грубоватую доброту, третьи – в голубых, означающих признак буйного, заносчивого характера. Жёлтые костюмы означали скрытность, а белые – символ юности и печали. В спектакле было всё: пение, диалог, пантомимы и даже акробатика.

Когда спектакль закончился, Владимиров невольно обратил внимание на то, что никто не вставал с мест, пока Мао Цзэдун и Цзян Цин, в сопровождении Жень Биши, не вышли из зала.

Мао Цзэдун взял Владимирову под руку и отвёл немного в сторону от потока зрителей, хлынувшего к выходу из павильона.

– Я не так давно получил телеграмму от товарища Димитрова, – заговорил он тихо. – Телеграмма вызвала у меня глубокие раздумья. Скажу вам откровенно: она взволновала меня до глубины души той заботой, которую товарищ Димитров проявляет о нас и его готовностью помочь руководству Особого района в непростой момент нашей жизни. – Мао кашлянул в кулак и продолжал: – Лично я высоко оцениваю позицию товарища Димитрова и полагаю, что и товарищ Сталин разделяет мнение товарища Димитрова. Я думаю встретиться с вами и обсудить те проблемы, которые были затронуты в телеграмме товарища Димитрова.

– Я с удовольствием встречаюсь с вами, – ответил Владимиров.

Мао улыбнулся и подал ему руку.

– Вот и прекрасно, товарищ Сун Пин. – Значит, договорились. Вы нас не ждите, – добавил Мао. – Я ещё здесь задержусь... Да! Может, вам кого-нибудь из моих людей выделить?.. Ну, на всякий случай...

– Нет. Спасибо, – ответил Владимиров. – Я дойду сам...

...Домой Владимиров возвращался в кромешной тьме, освещая себе дорогу лучом электрического фонарика.

Сразу на выходе из Яньцзялина на тропе луч фонарика вырвал из темноты человеческую фигуру, которая двигалась ему навстречу. Владимиров подошёл ближе и узнал Чана.

– А ты что здесь делаешь? – немало удивился он.
– Так Коля сказал мне, что вы не будете на ужине, а пойдёте в Яньцзялин... Вот я и подумал пойти вам навстречу... Народ разный тут бродит. А вдвоём идти веселее...

2

Шестого января в первой половине дня Владимиров встретился с Бо Гу, который подготовил по его просьбе материал с анализом военно-экономического положения Китая.

Передавая ему папку с материалом, Бо Гу сказал:

– ...Ничего хорошего нет... В ходе боевых действий войска центрального правительства потеряли, по нашим данным, около шестисот тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Японцы на сегодняшний день полностью контролируют девять китайских провинций с населением свыше ста миллионов человек. Да ещё карликовые, так называемые государства, которые каждое тянет на себя одеяло... Будете смотреть материал, обратите внимание, – продолжил Бо Гу, – на один важный момент. Практически на всей территории Китая, за исключением оккупированной японцами и Особого района, большое влияние американских миссионеров. Их тысячи, и они ведут работу не в пользу китайского народа...

От Бо Гу Владимиров сразу поехал домой. Не успел переступить порог дома, как появился Дэн Фа и сообщил, что Владимирова, Орлова и Риммара товарищ председатель Мао Цзэдун приглашает на обед, в два часа дня.

– ...Доктор Орлов уже знает об этом. Мы ему сообщили, – добавил он.

Через час приехал и Орлов.

– Нас всех приглашают на обед к Мао! – с порога объявил он.

– Мы уже знаем, – ответил Владимиров. – Приезжал Дэн Фа... Однако, радиоузел оставлять нельзя...

– Это точно, – согласился Орлов. – Придётся нам с тобой отдуваться... Ты не знаешь, с чем связано это приглашение? – Поинтересовался он.

Владимиров в ответ пожал плечами.

...Ровно в два часа Владимиров с Орловым уже были у Мао и немало удивились, когда увидели у него чуть ли не весь состав Политбюро. Завидев вошедших, Мао Цзэдун неторопливо пошёл им навстречу. Каждому пожал руку, а Владимирова даже приобнял за плечи со словами:

– Теперь, почти все...

Не успел Мао закончить фразу, как в дверях появился Чжоу Эньлай. Он за руку поздоровался с Владимировым и Орловым. Затем к ним подошёл Кан Шэн.

– Вот видите, – проговорил он, широко улыбаясь. – Вы здесь самые почётные гости!..

Он ещё хотел что-то сказать, но Мао Цзэдун пригласил всех к столу. Владимиров и Орлов обратили внимание на то, что все блюда были приготовлены исключительно по-китайски. Правда, виски в бутылках с яркими наклейками были американские.

– Товарищ Сун Пин, и вы, товарищ Орлов, – обратился к ним Мао Цзэдун, – я прошу вас сесть рядом со мной. – И добавил, усмехнувшись: – Чтобы вас никто не увёл...

Обед начался с тоста Мао за великий китайский народ и скоро вылился в пиршество. Тосты шли за тостами, но что удивило Владимирова, ни одного за Мао и «верный курс, по которому он ведёт партию».

И уже под конец застолья Мао Цзэдун вдруг потребовал внимания и сказал.

– ...Сегодня у нас за столом самые дорогие гости. – Он посмотрел сначала на Владимирова, затем перевёл взгляд на Орлова и продолжил: – Вот они!.. Рядом со мной!.. Это и честь для нас, и напоминание о том, что они представляют здесь великую державу, которая несёт

на своих плечах основное бремя войны с фашистской Германией. Поэтому я предлагаю выпить за них и в их лице за великую державу во главе с товарищем Сталиным!

Мао Цзэдуна поддержали с удовольствием и шумно, так, словно этот момент был отрепетирован заранее... По крайней мере, Владимирову так показалось. Ещё он заметил, что за всё время обеда за столом не было Цзян Цин. На это обратил внимание и Орлов. Когда они уже были дома, Орлов спросил.

– Интересно, почему за столом не было Цзян Цин?

Владимиров развёл руки, усмехнулся и сказал.

– Андрей Яковлевич, она профессиональная актриса и не участвует в спектаклях на уровне художественной самодеятельности.

...Каково же было удивление Владимирова, когда на следующий день к дому подъехал на низкорослой лошади Мао Цзэдун в сопровождении двух уже знакомых Владимирову молодых охранников. Владимиров проводил Мао Цзэдуна в дом. Риммар сходил за Чаном и тот принёс горячий чай, бутылку рисовой водки, стаканы и закуску из квашеной капусты и мочёных яблок, купленных им на рынке день тому назад. Мао взял с тарелки яблоко, откусил и положил обратно на тарелку.

– Вкусное... – сказал он. – Я когда-то очень любил такие яблоки. – С тяжким вздохом глянул на бутылку рисовой водки, поморщился и обронил: – Сегодня супруга потребовала от меня ничего не есть, и не пить... Разгрузочный день после вчерашнего обеда... – Пояснил он и отодвинул от себя тарелку с яблоками и капустой.

– Ну, хотя бы чай можно? – спросил Владимиров.

– Чай можно, – ответил Мао и выразительно глянул на Чана.

Владимиров всё понял.

– Чан, спасибо... Можешь быть свободным...

Тот кивнул головой и вышел из дома. Мао, как показалось Владимирову, почему-то с облегчением вздохнул.

– Я вот о чём решил с вами поговорить... – продолжил он. – За последнее время я много думал, и то решение, которое я принял, далось мне нелегко... – И, видя, что Владимиров не совсем понимает его, объяснил: – Я говорю об антияпонском фронте, но не только с Гоминьданом, а в союзе со всеми, кто заинтересован в нём. – Мао сделал паузу, словно хотел убедиться, что Владимиров верно воспринимает его мысли. Затем снова продолжил. – В нашей борьбе за свободу и независимость китайского народа я всегда стремился учитывать опыт вашей партии. Хотя и не всегда мне удавалось это делать. – Вдруг признался Мао. – И всё потому, что порой не на кого было опереться с одной стороны, а с другой – у нас в партии ещё не изжито явление, когда одни в корыстных целях могут очернить других... Я имею ввиду товарищей Ван Мина и Чжу Дэ. Я прошёл с ними тяжёлый и длинный путь, где были и победы, и поражения. Я знаю, оба они внесли неоценимый вклад в дело нашей революции...

Мао говорил долго и спокойно, взвешивая каждое сказанное им слово. Несколько раз он вставал с места, закуривал и снова садился за стол. Порой он вдруг умолкал и чутко прислушивался к тому, что происходило на улице. Подходил к двери и тоже прислушивался. Затем говорил и говорил. Несколько раз восхищался победами Красной Армии и мудрым руководством Сталина. Потом оборвал свою речь на полуслове и спросил.

– ...Товарищ Сун Пин, у вас есть пару листов бумаги?

– Есть, – ответил Владимиров, подошёл к книжной полке, взял бумагу и подал её Мао.

– И ручку, – попросил тот.

Владимиров подал ему свою ручку.

– Я хочу в вашем присутствии составить телеграмму товарищу Димитрову и выразить ему благодарность за его внимание к нам. И заверить, что лично я и мои товарищи-единомышленники не свернём с намеченного пути.

Мао быстро составил текст телеграммы и протянул её Владимирову.

– Я попрошу вас прямо сейчас, если можно, отправить её в Москву.

И стал прощаться.

Проводив Мао, Владимиров вернулся в дом и внимательно стал читать телеграмму. В ней Мао Цзэдун выражал, как он и говорил, благодарности Димитрову и просил понять политику, проводимую руководством Особого района, а также излагал проблемы, которые в ближайшее время будет решать ЦК КПК по укреплению рядов партии на основе сплочения и единства. Упоминал и имя Ван Мина, как своего соратника. И заканчивалась телеграмма словами: «... По отношению к Гоминьдану наша позиция остаётся неизменной: в её основе заложена необходимость укрепления единого фронта против японских фашистов».

Прочитав телеграмму до конца, Владимиров отнёс её Риммару.

– Отправь на имя Димитрова... – сказал он.

– Шифровать? – уточнил Риммар.

– Не надо, Коля... Эта телеграмма не нуждается в шифровке...

3

Уже вечером Владимиров не без удивления узнал от Орлова, что в этот же день Мао Цзэдун навестил и Ван Мина. Об этом сообщила Орлову Роза Владимировна.

– ...Она сказала, что Мао пробыл у них больше часа, пил чай с ними и пожелал её мужу скорейшего выздоровления, чтобы приступить к работе. Вот так, Пётр Парфёнович! – сделал заключение Орлов. Не сдержался и спросил: – Что бы это могло значить?

Владимиров ответил не сразу: было на чем задуматься. Два визита Мао в один день: сначала сюда, затем к Ван Мину... И телеграмма Димитрову... Всё это могло означать: или Мао лавирует, или серьёзно намерен пересмотреть своё отношение к антияпонскому фронту, и к так называемой «Московской группе».

– Ты знаешь, Андрей Яковлевич, – начал медленно говорить Владимиров, – тут всё возможно. И потому какие-либо выводы, по-моему, делать рано...

...Девятого января приехала Цзян Цин. Владимиров помог ей снять меховую куртку. Шапку Цзян Цин снимать не стала, и Владимиров догадался: она приехала не на долго. И, словно в подтверждение его догадки, Цзян Цин сказала.

– ...Я на несколько минут... Но сначала скажите, как вам опера? Понравилась? Тогда вы быстро ушли, а в прошлый раз я просто не могла к вам подойти...

– Опера прекрасная, – ответил Владимиров.

Цзян Цин оживилась и в её глазах загорелись искорки.

– Помните, я как-то говорила вам о поэте ханьской эпохи Сыма Сянжу? Именно в то время в Китае появились и прекрасные оперы, первые крупные произведения художественной прозы, и даже книги о фантастических приключениях. Не верите? – на лице Цзян Цин появилось нарочито-обиженное выражение.

– Верно, – ответил Владимиров. – Вам не верить я не могу...

Цзян Цин бросила взгляд на настенные часы, вздохнула, и лукавое выражение на её лице сменилось на грустное.

– Вчера к нам приезжали Жэнь Биши и Линь Боцой, – продолжила она. – Я в это время была на кухне. Я бы не стала прислушиваться к их разговору, но мой муж завёл патефон и поставил пластинку с какой-то оперой. Он всегда так делает, чтобы никто не мог подслушать, о чём идёт разговор. Так вот: Жэнь Биши и Линь Боцой настойчиво советовали мужу избавиться от Кан Шэна. А Линь Боцой даже сказал: «Пока он не избавился от нас...» Мой муж ответил, что Кан Шэн пока ему нужен, потому что через него идут переговоры с американцами... Потом на кухне появился один из поваров и я вынуждена была отойти от двери.

А когда повар ушёл, я снова приоткрыла двери. Они уже говорили о Ван Мине. Жэнь Биши сказал, что если Ван Мин публично не признает свои ошибки, на съезде могут возникнуть неприятности. Потом приехал Чжу Дэ и муж попросил его срочно расквартировать в Яньане батальон из сто двадцатой дивизии и ещё он сказал, что командир дивизии делегат седьмого съезда и ему можно доверять... Вот и всё, – сказала она и подняла на Владимирову глаза, полные тревоги и растерянности.

Владимирову, вдруг, стало жалко Цзян Цин. Он шагнул к ней, чтобы обнять и успокоить, но Цзян Цин загордилась от него руками.

– Не надо... – тихо проговорила она. И тут же добавила: – Вы знаете, чего я больше всего на свете хочу? Побывать в Москве... Я столько уже наслушалась о Москве разного, что хочется самой посмотреть, какая она...

4

Пятнадцатого января Совинформбюро сообщило об успешном завершении Житомирско-Бердичевской операции. К этому времени, по сведениям Совинформбюро, ударные группировки Первого Украинского фронта в ходе наступления освободили города: Радомысль, Новгород-Волынский, Бердичев и Белую Церковь.

Радиостанция американского агентства «Вашингтон Пост» в этот же день прокомментировала выступление президента США Рузвельта в Конгрессе, где он заявил: «...Мы должны держаться вместе, чтобы не висеть порознь», назвав эти слова очередным призывом к лидерам СССР и Великобритании сохранять союз и дальше. Прочитав это сообщение, Владимиров не сдержался.

– Если бы и в Яньани и в Чунцине так думали... – сказал он.

Орлов, который в это время уже собирался ехать в госпиталь, словно, возражая Владимирову, заметил:

– Думают. Ещё и как думают! Вчера я встречался с Чжу Дэ. Он рассказал, что Чан Кайши намерен на территориях, подконтрольных КПК, создать народно-освободительную лигу с участием американцев.

– Это что-то новое... – недоверчиво проговорил Владимиров. – Только кто ему позволит? Думаешь, здесь согласятся?

– В том-то и дело, – усмехнулся Орлов. – Это будет очередной повод к гражданской войне. Владимиров удручённо покачал головой.

– Нет, нет, Андрей Яковлевич. Это чья-то очередная утка! – не поверил он. – И гнездится она вовсе не в Чунцине, а в Яньани. Я в этом уверен. И делается с целью заставить Москву поволноваться...

...На другой день в доме появился Дэн Фа. Учтиво поздоровался с Владимировым и на его скуластом лице засияла улыбка.

– Товарищ Сун Пин, – сказал он, – вам бы поближе к нам перебраться надо... А то чуть ли не каждый день за вами приходится ходить...

– А у вас разве нет лошади? – насмешливо спросил Владимиров, зная, что Дэн Фа боится ездить верхом.

– Лошадь есть, – ответил тот. – Однако, я предпочитаю ходить пешком... Так полезнее для здоровья. – И добавил: – Товарищ Мао Цзэдун просит вас прямо сейчас приехать к нему.

...Когда Владимиров подъехал к жилищу Мао Цзэдуна, увидел его у входа в пещеру. Мао о чём-то оживлённо беседовал с охранниками. Завидев Владимирову, Мао Цзэдун сделал ему навстречу несколько шагов и остановился. Владимиров спешил с лошади, подошёл к Мао и поздоровался с ним. Мао, не выпуская его руки из своей мягкой по-женски ладони, улыбнулся и спросил.

– Как ваше здоровье, товарищ Сун Пин?

– Спасибо... Хорошее, – ответил Владимиров.

– Хорошее здоровье дороже золота... – заметил Мао и тут же поинтересовался: – Из Москвы что-нибудь есть?

Мао явно имел ввиду ответ на его телеграмму Димитрову.

– Пока нет, товарищ председатель...

Мао отпустил руку Владимира.

– Подождём... – обыденным голосом проговорил он и пригласил Владимира пройти в жилище.

Здесь было тепло и уютно. Их встретила Цзян Цин. Приветливо, но сдержанно поздоровалась с Владимировым и предложила чай.

– Спасибо, – поблагодарил тот. – Не надо беспокоиться...

– Нет, нет! – бурно возразил Мао. – Будем пить и чай и ещё кое-что. Меня на днях угостили рисовой водкой особого приготовления. Одну бутылочку я оставил про запас. Она нам и пригодится сегодня!.. Я правильно говорю? – Обратился он к Цзян Цин.

– Правильно, – согласилась та и ушла на кухню.

А Мао продолжил:

– Я вот о чём часто думаю... В существующих на территории Китая, как в древности, так и в наши времена, всегда на первом месте стояла проблема отбора наиболее талантливых людей для управления государствами. Такой же подход к выбору правящего класса, или проще сказать, государственных людей, себя оправдывал. И в этом во многом заслуга идей Конфуция, о котором мы с вами уже не раз говорили. – Мао потянулся к пачке сигарет, которая лежала на краю стола, достал одну и прикурил от пламени свечи. И только после этого продолжил: – Я хотел бы обратить ваше внимание на довольно знаменательный факт. Конфуций появился на исторической арене Китая в непростое время: междоусобные войны, многочисленные беды людей и естественное их стремление, как и в наши дни, к миру, порядку и благополучию. Прошли с тех пор тысячелетия, и мы снова оказались в таком положении. Помните, я вам как-то говорил: стержнем философских идей Конфуция была идея о соблюдении всеми норм нравственной морали, когда отец должен быть отцом, а сын – сыном? Ну и так далее. Всё это беспощадно разрушено. И китайский народ платит дорогую цену. – Мао затянулся дымом, приподнял подбородок, выдохнул дым и спросил. – А знаете почему? Потому что после Конфуция его учение было предано забвению и на первое место вышли деспотизм и самодурство. Император Цинь Шихуанди в 213 году до новой эры распорядился даже сжечь на кострах все сочинения Конфуция и живьём закапывать в землю его последователей...

В это время из кухни вышла Цзян Цин с большим подносом и расставила на столе чашки с чаем, рюмки, две тарелочки с земляными орешками и бутылку рисовой водки. Мао отложил сигарету в пепельницу и энергично потёр ладони, затем снял с бутылки стеклянную пробку и почти с торжественным видом разлил водку по рюмкам. Приподнял свою и, любуясь переливом света от свечи на стекле, произнёс:

– Давайте выпьем за понимание, которое приведёт нас с вами на широкую дорогу сотрудничества во всех областях! Пройдёт время, и наши потомки убедятся: мир и спокойствие на земле могут обеспечить только два великих народа – ваш народ и мой!

После того, как выпили, Мао закусил одним орешком и сделал глоток чая. Причмокнул губами и обронил:

– Прекрасный чай!..

Владимиров тоже закусил орешками и запил крепко заваренным душистым чаем.

– Действительно, прекрасный чай, – согласился он. – Такой чай могут заваривать только прекрасные женщины. – Добавил он.

Однако Мао пропустил мимо ушей слова Владимира.

– На чём мы остановились?.. – спросил он.

– На наших народах, – подсказал Владимиров.

Мао Цзэдун слегка наморщил лоб.

– А до этого?

– На учении Конфуция...

– Да, да!.. – оживился Мао. – У Конфуция есть мудрое наставление: передавать, а не создавать, верить в древность и любить ее. И ещё четыре философских концепции. Первая, – Мао загнул мизинец на левой руке, – это Жень, что означает...

– Гуманность, – продолжил Владимиров.

Мао коротко хмыкнул. Он не любил, когда его перебивают или поправляют, но на этот раз отнёс это к тому, что Владимиров продолжил его мысль, спокойно.

– Верно, – сказал он. И продолжил: – Вторая – Ли, что означает Правила поведения. – И Мао загнул ещё один палец. – Это она требует быть преданным делу, которому ты служишь, и почитать того, кто стоит над тобой. Далее идет Чжун юн – учение о пути развития общества. И, наконец, четвёртая концепция – это отношение людей к вере, которую они добровольно исповедуют. Я не спорю, в философском учении Конфуция можно найти и другие не менее важные концепции, применительные к государству и управлению им, но я уверен – и этих достаточно, чтобы иметь современное, демократическое, национальное государство...

Слово «национальное» Мао подчеркнул особо и Владимиров вдруг понял: в этом и есть смысл всего их разговора.

Мао прервал свою речь, разлил водку по рюмкам, чему-то улыбнулся и спросил:

– Товарищ Сун Пин, а за что вы хотели бы выпить?

Владимиров, не задумываясь, ответил:

– За нашу победу.

– Я помню, вы и в прошлый раз предлагали выпить за вашу победу, – заметил Мао. – А я вам ответил: «И за нашу победу!» Давайте выпьем за нашу общую победу!

– Я согласен, – ответил Владимиров. И добавил: – И чтобы она быстрее наступила...

Уже под конец застолья к ним вышла Цзян Цин.

– Что-нибудь ещё надо? – спросила она у Мао.

Тот обнял её за талию и привлёк к себе.

– Я тебе потом скажу, что мне надо... – ответил он и подмигнул Владимирову. – Иди лучше к себе.

Когда допили водку, Мао ещё раз напомнил о телеграмме Димитрову.

– ...Если ответ придёт на вас, – сказал он, – сообщите мне сразу...

Глава вторая

1

В ночь с двадцать четвёртого на двадцать пятое января Риммар принял шифровку от «Кедра». В ней сообщалось, что глава японского правительства генерал Тодзио подписал директиву Имперской Ставки о подготовке к наступлению японских войск в Центральном Китае. И уже под утро Совинформбюро сообщило о начале проведения операции по окружению и уничтожению крупной группировки войск противника на Звенигородско-Мироновском выступе силами Первого и Второго Украинских фронтов. И успешном наступлении советских войск Ленинградского фронта. Радиостанция американского агентства «Ассошиэйтед пресс», ссылаясь на военное ведомство, сообщило об общих потерях американских войск с первого дня войны. Они составили около девяноста тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

...Новая неделя началась у Владимиров со встречи с Мао Цзэдуном. На этот раз она состоялась довольно поздно вечером. Несмотря на то, что в помещении было тепло, Мао всё время поёживался. Выглядел он усталым. Разговор Мао начал с того, что сообщил Владимирову о повышенном интересе американцев к Особому району, которое они стали проявлять в последнее время. И, вдруг, резко сменил тему разговора.

– ...Чан Кайши никогда не допустит наших представителей в центральное правительство Китая... – заявил он. – Но мы заставим его это сделать. Или он потеряет всё, – Мао Цзэдун говорил ровным, спокойным голосом, как будто речь шла о чём-то обыденном. Потом, махнув небрежно рукой, добавил. – ...Он и правительство подбирает под себя. С кем там вести переговоры?..

На этом месте Мао умолк и устало откинулся на спинку кресла. Владимиров воспользовался возникшей паузой.

– Я согласен с вами, – сказал он, – однако, выстраивать отношения с Гоминьданом рано или поздно всё равно придётся. Хотя бы для того, чтобы иметь единый антияпонский фронт. Без этого агрессора не остановить. Вы же не будете это отрицать? На марионеточные, так называемые государства, надежды возлагать не приходится.

Мао Цзэдун вяло кивнул головой.

– Да... Вы правы... Но не всё так просто...

Слова Мао прозвучали отрешённо, но в них Владимиров на этот раз не услышал обычной в таких разговорах ненависти к Чан Кайши. «Значит, лёд тронулся», – подумал он, а вслух сказал:

– У меня есть достоверные сведения о готовящейся крупной наступательной операции японцев в Центральном Китае. Предположим, эта операция закончится для японцев успешно. Кто будет следующим? Нанкинские власти в союзе с японцами, Маньчжоу-Го тоже на их стороне, генералы-милитаристы воевать против Японии не собираются...

Мао снова кивнул головой и повторил:

– Да... Вы действительно правы... Но я опасаюсь одного – война с Японией может оказаться долгой, если не вступит в неё Советский Союз. И ещё: мы не можем расценивать ту помощь, которую вы оказываете Чан Кайши, как помощь китайскому народу. Это наше твёрдое мнение. И никто нас не переубедит в обратном...

– Но, согласитесь со мной, – прервал его Владимиров, – длительная война истощит силы Китая. Народ в тяжелейшем положении...

Мао ничего не ответил. Закурил и встал, рукой показывая, чтобы Владимиров сидел, и медленно заходил по помещению. Потом остановился перед рабочим столом, заваленным

бумагами, о чём-то задумался. Из такого состояния его вывел стук в дверь и в помещение вошёл его начальник охраны.

– Я прошу прощения, – сказал он. – Привезли телеграмму из Чунцина... – и замер у двери в ожидании ответа.

Мао рассеянно посмотрел на него, потом медленно подошёл и взял телеграмму. Прочитал про себя и небрежно сунул в карман куртки.

– Идите, – сказал он начальнику охраны, а Владимирову пояснил: – Ничего особенного... Я вот о чём сейчас подумал... – Продолжил Мао так тихо, словно рассуждал сам с собой. – Среди наших товарищей, особенно среди тех, кто учился или работал в Москве, бытует мнение: в истории государства личность имеет второстепенное значение. Я не согласен с этим. Давайте обратимся хотя бы к истории Китая. В 1206 году монголы, преодолев внутренние распри, объединились и провозгласили Чингиза великим ханом. И с этого момента началась новая эпоха их экспансии во главе с Чингизом в Китай. Дело Чингиза продолжил его внук Кубла-хан, который в 1279 году завоёвывает Ханчжоу и повелевает строить здесь новую столицу Ханбалык, а для себя роскошный дворец. Кстати, этот дворец находился на месте, где сегодня расположен императорский дворец в Пекине. – Отвлёкся от своей мысли Мао и тут же продолжил: – Однако, в 1294 году Кубла-хан умирает и империя монголов, покорившая к этому времени, чуть ли не весь европейский континент, развалилась. Или другой пример, совсем свежий. В 1908 году, после смерти китайского императора Гуансюя и императрицы Цыси на трон вступает их трёхлетний сын Пу И. И империя снова рухнула. То же самое можно сказать и о Германии и даже о России... Ну, ладно. Не буду больше вас утомлять своими разговорами... Из Москвы ничего нет? – спросил Мао и безнадежно махнул рукой. – Знаю, знаю... Если бы что-то было, вы бы мне уже сообщили...

...Возвращался Владимиров домой, когда было уже около полуночи. Началась метель. На выходе из Яньцзалина его окликнул часовой. Владимиров назвал себя. Часовой подошёл к нему и, убедившись, что это он, посоветовал:

– Будьте осторожны, товарищ Сун Пин: приморозило и тропа стала скользкая.

Владимиров поблагодарил часового и, подняв воротник куртки, пошёл. Метель тем временем стала ещё сильнее. Порывистый ветер бросал в лицо колющий снег, похожий на пыль, который тут же таял на лице. Он уже прошёл с полкилометра, когда луч фонарика выхватил из темноты силуэт волка. Тот стоял на тропе и даже не шелохнулся, несмотря на яркий свет фонарика, направленного на него. Владимиров остановился и медленно опустил руку в карман за револьвером. Он сразу догадался: перед ним был матёрый волк-одиночка.

– Ну что, друг, разойдёмся по-хорошему... – проговорил Владимиров негромко, нащупав рукоять револьвера. Волк по-прежнему стоял на месте и смотрел на Владимирова горящими огоньками глаз. Так прошло не менее минуты. Странно было, но Владимиров не испытывал ни страха, ни желания убить волка. «Интересно, что у тебя на уме?» – подумал он, всё ещё не готовый стрелять в волка. Наверное, неожиданная встреча с человеком на тропе привела и волка в замешательство. Броситься на человека он боялся, но и уступать ему тропу не хотел. Однако, шаг вперёд, который сделал человек, инстинктивно заставил волка отпрянуть в сторону. Владимиров постоял ещё некоторое время, освещая фонариком то место, куда отпрыгнул волк, но тот, словно, сквозь землю провалился.

...Дома Владимирова ждали Орлов и Риммар.

– Пётр Парфёнович, ну ты и даёшь! – укоризненно проговорил Орлов. – Мы тут чёрт знает что передумали... Коля уже собрался идти тебе навстречу...

– Всё в порядке, – успокоил их Владимиров и рассказал о встрече с Мао.

Орлов молча выслушал, потом сказал:

– Мао никогда не откажется от своей цели. Всё остальное – это только ширма для отвода глаз. Я бы на твоём месте так и доложил в Центр...

2

На следующий день Орлов не успел ещё уехать в госпиталь, как в доме появился Кан Шэн, без Сяо Ли и без охранников, которые обычно его сопровождали. Поздоровавшись со всеми, Кан Шэн сказал:

– Вот... Приехал к вам пораньше, пока вы все не разъехались... – шумно сквозь зубы втянул в себя воздух и совсем уже неожиданно спросил: – Угля хватает?..

– Спасибо, товарищ Кан Шэн, хватает, – ответил Владимиров.

Кан Шэн перевёл взгляд на Орлова.

– А вы, я вижу, в госпиталь собрались?

– Надо, – коротко ответил тот.

– Ну да... – Кан Шэн обвёл комнату рассеянным взглядом. – Присесть можно?

– Присаживайтесь, товарищ Кан Шэн, – ответил Владимиров. – Может вас чаем угостить? Наш повар умеет прекрасно заваривать чай...

Кан Шэн небрежно махнул рукой.

– Знаю я вашего повара... А от чая не откажусь.

Владимиров сам налил чай Кан Шэну в кружку и подал ему.

– У нас без сахара, – пояснил он.

– Я не пью чай с сахаром, – усмехнулся Кан Шэн. – Сахар вредит здоровью. – Сделал несколько глотков и продолжил: – Весь город говорит о вашем Ван Мине. Даже на рынке...

Владимиров предупредительно поднял руку.

– Товарищ Кан Шэн, во-первых, Ван Мин не наш, а ваш. А, во-вторых, мне кажется, вы преувеличиваете, говоря о том, что в городе больше не о ком или не о чём говорить, как о Ван Мине.

Кан Шэн снова натянуто усмехнулся.

– Действительно, вы правы... – проговорил он. – Я немного преувеличиваю. Тем более, что Ван Мин признался лично председателю товарищу Мао Цзэдуну, который на днях был у него дома, в своих ошибочных взглядах и попросил товарища Мао на предстоящем съезде партии не поднимать вопрос о его заблуждениях и ошибках... – Всё это Кан Шэн произнёс, как показалось Владимирову с каким-то упоением.

– Ну, ладно... Я поехал... – сказал Орлов. – Мне пора...

– Поезжай, Андрей Яковлевич, – ответил Владимиров. – Служба – есть служба, а работа – работой...

Кан Шэн догадался, о чём сказал Владимиров, но промолчал. Допил чай и, видимо для большей убедительности, добавил:

– Председатель товарищ Мао Цзэдун после посещения товарища Ван Мина доложил членам Политбюро, что здоровье Ван Мина идёт на поправку благодаря доктору Орлову, и скоро он может приступить к работе... Ну что... Спасибо за чай, – проговорил Кан Шэн, вставая с места. – Действительно, ваш повар умеет прекрасно его заваривать. – Посмотрел на часы и заторопился. – У меня через полчаса встреча с американскими миссионерами. – Пояснил он. – И опаздывать я не могу. До свидания, товарищ Сун Пин. Провожать меня не надо... Я не женщина.

Когда за Кан Шэном закрылась дверь, из радиоузла вышел Риммар.

– Ты слышал, что он сказал? – спросил у него Владимиров.

– Слышал...

– Ну и что?

– По-моему Кан Шэн намеренно сказал о миссионерах, – ответил Риммар.

– Я тоже так думаю, – согласился Владимиров. – А на счёт Ван Мина?

– Не знаю... Поезжайте к нему, – посоветовал Риммар.

...Двадцать седьмого января Владимирова снова пригласили к Мао Цзэдуну. Это уже было третье приглашение за неделю. На этот раз его встретила Цзян Цин. Она была одна. Глаза её засияли, и в какой-то момент Владимирову даже показалось, что она готова броситься ему на грудь, и потому поспешно спросил:

– А где товарищ Мао Цзэдун?

– Он сейчас придёт, – ответила Цзян Цин и сразу потускнела. – Он на кухне вместе с поваром готовит какое-то старинное китайское блюдо, чтобы угостить вас...

Владимиров был поражён услышанным. Цзян Цин, видимо, заметила это и сказала:

– Не удивляйтесь... Он любит готовить...

В эту минуту из кухни в сопровождении повара вышел Мао. Повар держал в руках большой поднос с глиняными горшочками и чашками с приправами. Увидев Владимирова, Мао широко развёл руки.

– Здравствуйте, товарищ Сун Пин! – произнёс он и пошёл ему навстречу. – А мы вот решили вас угостить старинным китайским блюдом!.. Его готовили в моей семье... И заодно поздравить вас с освобождением Ленинграда!.. – Наверное на лице Владимирова появилось такое удивление, что Мао сначала посмотрел на Цзян Цин, затем снова перевёл взгляд на Владимира, и спросил:– А вы не знали?..

– Нет, не знал, – признался тот.

– Ну, вот!.. Значит, я сделал для вас заодно и приятный сюрприз!

Эта новость действительно была приятной.

Повар, тем временем, поставил поднос на стол и отошёл в сторону. На подносе оказалось не одно, а несколько блюд: отварной рис с приправой из красного перца, свинина в кисло-молочном соусе, говядина с тушёной капустой и отварная курица в соевом соусе с репчатым луком, морковь и чесноком. Мао придирчивым взглядом окинул всё, что стояло на столе и обратился к Цзян Цин.

– Мне кажется, здесь чего-то не хватает... – сказал он.

Повар раньше, чем Цзян Цин догадался, чего не хватает. Быстро сходил на кухню и вернулся с бутылкой рисовой водки и тремя рюмками.

– Что ещё не хватает? – чуть насмешливо спросила Цзян Цин. Мао с удовольствием потёр ладони.

– Теперь всего хватает!.. – ответил он. – Ну что, друзья мои, за стол!

Когда расселись, Цзян Цин потянулась к бутылке с водкой, чтобы разлить её по рюмкам, но Мао остановил её.

– Нет, нет!.. – сказал он. – Сегодня я сам!.. – Разлил водку по рюмкам и продолжил: – Я всегда был уверен: рано или поздно – наши пути сойдутся. И перед КПК, и перед ВКП (б) стоят одни и те же задачи, только условия их осуществления разные... Ну что, давайте за это и выпьем!

Цзян Цин только пригубила и поставила рюмку на стол. Мао не стал возражать.

– Хорошая водка, – заметил Владимиров. – Ей даже лечиться можно от простудных заболеваний...

Похвала Владимирова пришлась Мао по душе.

– Это у меня из старых запасов, – пояснил он. – Что вам больше нравится из закусок? – Спросил он. – Мне – вот эта свинина. Но и курица тоже вкусная. Она приготовлена по особому рецепту...

После того, как закусили: Мао – свининой, а Владимиров – курицей, Мао снова разлил водку по рюмкам. Цзян Цин подливать не стал. Поднял свою рюмку и произнёс:

– Однажды наш великий Конфуций сказал: «Там, где пребывает благородный муж, нравы неизбежно меняются к лучшему». Вы, товарищ Сун Пин, человек благородный. Я это заметил

сразу. Поэтому предлагаю выпить за вас, и в вашем лице за великий и героический русский народ.

Лихо опрокинул в рот рюмку с водкой и замер, прислушиваясь к тому, что происходит внутри. Потом с удовольствием выдохнул. Владимирова поблагодарил Мао.

– Я польщён вашим вниманием ко мне и особенно словами, сказанными о русском народе. Я согласен с вами, наши дороги сойдутся в один широкий путь, по которому следом за нашими народами пойдут и другие народы. Возможно, это произойдёт ни завтра, но всё равно произойдёт.

Владимиров произнёс эти, на первый взгляд, пафосные слова, просто и от души. И снова попал в цель: Мао довольно улыбнулся и приложил правую руку к сердцу. После того, как Владимирова выпил, Цзян Цин пододвинула к нему поближе тарелку с говядиной и тушёной капустой.

– Попробуйте это... – предложила она. – Тоже очень вкусно... Я обожаю это блюдо...

Говядина, действительно, оказалась вкусной. Мао, тем временем, снова разлил водку по рюмкам.

– Я отношусь к застолью, – проговорил он, – как к ритуалу. По мнению Конфуция, ритуал был создан древними правителями, а они действовали по воле небес. – Неожиданно заявил Мао и шутливо добавил: – Так что мы с вами всё делаем по воле небес!..

– Не возражаю, – ответил Владимирова. – Лишь бы черти потом нас не попутали...

Мао поднял вверх указательный палец.

– О!.. – воскликнул он. – А эти черти совсем рядом с нами!.. Нет, я за хорошие отношения с Гоминьданом, но без Чан Кайши! Я разделяю озабоченность товарища Димитрова по поводу наших не простых отношений с Гоминьданом. Вы человек опытный в такого рода делах. Подскажите, что мы можем сделать, чтобы убедить и товарища Сталина, и товарища Димитрова в нашем искреннем стремлении изгнать с китайской земли японских фашистов?

На этот раз вопрос Мао не носил риторического характера, как это случалось часто.

– Мне трудно вам советовать, – начал говорить Владимирова, стараясь обдумать свой ответ. – За вашими плечами огромный опыт политической борьбы, но я постараюсь высказать своё мнение. По-моему, не надо никого убеждать: ни товарища Сталина, ни товарища Димитрова. Надо найти пути объединения на антияпонской основе со всеми национальными и патриотическими силами Китая, изгнать врага со своей земли, а уже потом решать, кто прав, а кто не прав. Вы сказали, что застолье для вас – ритуал. Позвольте мне тоже обратиться к мудрым словам Конфуция, который однажды сказал: «Свои и большие, и малые дела люди совершали в соответствии с благопристойностью». Это и будет моим ответом.

Мао широко развёл руками.

– Ну, вот видишь! – обратился он к Цзян Цин. – Я тебе не раз говорил: товарищ Сун Пин ещё и большой дипломат!.. – Потом повернул голову к Владимирову и продолжил: – Всё верно, товарищ Сун Пин... В нашей не простой жизни ничего не даётся без труда, а, порой, и горьких ошибок...

3

Последние дни января выдались на редкость холодными. Ночами температура опускалась до тридцати градусов. Даже днём, при солнечной погоде, мороз пробирал до костей.казалось, застыл и весь город: улицы опустели, в харчевнях и на рынке – ни души.

...Двадцать восьмого числа пришло сообщение Совинформбюро об успешной наступательной операции войск Первого и Второго Украинских фронтов на Звенигородско-Мирновском направлении, в результате которой создались условия для прорыва к Южному Бугу и Днестру. Противник, отступая, оставил Шепетовку, Ровно и Луцк. В этот же день Совин-

формбюро сообщило и об успешном наступлении войск Третьего и Четвёртого Украинских фронтов на Никопольско-Криворожском направлении. Одновременно, по сведениям Совинформбюро, началось наступление советских войск и на Нарвском направлении. Однако, ни американские, ни британские радиостанции о событиях на Восточном фронте не упоминали. Они на все лады комментировали разногласия, которые возникли между Москвой с одной стороны, и Вашингтоном с Лондоном с другой в связи с затягиванием союзниками передачу части итальянского флота Советскому Союзу, о чём было решено в Тегеране на встрече лидеров трёх держав. Но уже утром двадцать девятого января британское агентство «Рейтер», ссылаясь на источник в правительстве, сообщило, что Москве вместо итальянских кораблей будут переданы великобританские из состава своего флота линейный корабль «Роял Соврин», один крейсер и несколько транспортных судов водоизмещением по двадцать тысяч тонн каждый.

...Во время завтрака Владимиров, отвечая на вопрос Орлова: «Что там у нас?», сказал:

– У нас всё в порядке, Андрей Яковлевич. На всех фронтах идёт наступление. А вот что происходит здесь – непонятно. – И пояснил: – По тем сведениям, с которыми меня ознакомил Кан Шэн, против их восьмой армии японцы держат пять пехотных дивизий и одну кавалерийскую дивизию. Это примерно сто тысяч человек! А против их четвёртой армии и того меньше! Две пехотные дивизии и три бригады. Всего примерно шестьдесят тысяч человек! Это о чём говорит?

– Всё о том же, – ответил Орлов.

– Вот и я об этом говорю... – и Владимиров покачал головой. – А теперь возьмём во внимание то, что происходит на других фронтах. Центральное правительство вынуждено держать только на Тибетском и Синьцзянском направлениях до ста тысяч войск и против Сычуаньских генералов-милитаристов ещё сто тридцать тысяч. Что получается?

Орлов отодвинул от себя чашку с недопитым чаем и чуть насмешливо глянул на Владимира.

– А то и получается, Пётр Парфёнович, что в этой войне не видно ни конца, ни края... – И, заметив, что Владимиров не понял его, пояснил: – Тут, мне кажется, проблема поглубже, чем мы иногда представляем себе. Есть силы, которым выгодно проливать реки крови. Они наживаются на этом. А Гитлер, Муссолини, Рузвельт и Черчилль и даже Чан Кайши – это пешки на их шахматной доске...

– Ты это серьёзно? – Владимиров с некоторым удивлением посмотрел на Орлова. – А, впрочем, ты прав... Но, тогда возникает ещё более прозаичный вопрос: кто мы с тобой?..

В этот же день Риммар поймал волну, на которой работало радио Берлина. Диктор сообщил о казнях бывших соратников Муссолини, которые «предали дуче». В числе казнённых был и зять Муссолини, бывший министр иностранных дел Италии граф Чиано и несколько генералов.

...Вечером Орлов вернулся домой, когда на улице уже стусились сумерки. От ужина отказался.

– Я только чай попью, – сказал он.

– Оперировал много? – поинтересовался Владимиров.

– Да нет... Три операции, но все тяжёлые... Была у меня сегодня Цзян Цин, – продолжал он. – По всей видимости, ей тоже придётся ложиться на операцию... У неё серьезные проблемы по женской части... Да, и ещё! Она рассказала, что к ним приезжал Кан Шэн и снова убеждал Мао в том, что Чжу Дэ для руководства вооружёнными силами устарел и его надо заменить...

– А на кого? – спросил Владимиров.

– Он не сказал, но, надо думать, коли предлагает убрать Чжу Дэ, значит, у него кто-то есть на примете.

Владимиров задумался. Трудно было поверить, что Мао рискнёт отстранить Чжу Дэ от командования армиями КПК. Слишком большой авторитет имел Чжу Дэ не только среди

командиров, но и среди рядового состава. «А, впрочем, чем чёрт не шутит...» – подумал Владимиров про себя, а вслух сказал:

– Непотопляемый этот Кан Шэн... Он давно подбирается к Чжу Дэ... Не даром чуть ли не половину должностных обязанностей начальника Главного штаба он сумел прибрать к своим рукам...

– Ты думаешь, Мао уступит ему? – недоверчиво спросил Орлов.

– До съезда навряд ли, – ответил Владимиров. – А после съезда всё может быть...

Орлов допил чай и ушёл в свою комнату, а Владимиров направился в радиоузел. Увидев его, Риммар оживился и подал ему наушники.

– Левитан выступает!.. – сказал он. – Послушайте! А я выйду на минутку.

Владимиров надел наушники и сразу услышал: «...Советские войска на Ленинградском и Волховском направлениях, – говорил Левитан торжественным голосом с металлическим оттенком, – продвинулись вперёд на двести пятьдесят километров! В ходе боёв противник потерял около ста тысяч убитыми и ранеными, уничтожено триста немецких танков и сбито девяносто семь самолётов!.. Войскам Первого Украинского фронта на двадцать девятое января после ввода в бои из второго эшелона восемнадцатого танкового корпуса и кавалерийского корпуса генерала Селиванова, удалось значительно продвинуться вперёд, отсечь Корсунь-Шевченковскую группировку неприятеля от остальных войск и приступить к её уничтожению!..»

Левитан говорил, а Владимиров вдруг представил себе, что сейчас происходит в Москве и предательская тоска по дому сжала его сердце, да так сильно, что он чуть не застонал. В это время вернулся Риммар и, видимо, заметил, что с Владимировым происходит что-то неладное.

– Что с вами, Пётр Парфёнович? – тревожно спросил он. – Вам плохо?

Владимиров отрицательно качнул головой.

– Нет, Коля... Все нормально...

Уже поздно вечером Риммар принял очередную шифровку от «Кедра». В ней сообщалось, что император Японии Хирохито назначил главу правительства генерала Тодзио по совместительству и начальником Генштаба японской армии...

4

Февраль пришёл почти с ежедневными сообщениями Совинформбюро, которые радовали сердце и согревали душу, и в то же время вызвали чувство тоски по Родине. Там разворачивались грандиозные по масштабам исторические события – страна освобождалась от фашистской нечисти, а здесь изо дня в день повторялось одно и то же.

...Восьмого февраля Совинформбюро сообщило об освобождении войсками Третьего и Четвёртого Украинских фронтов Николаева и ликвидации вражеской группировки войск на левом берегу Днепра. На очереди ждал своего освобождения Крым. Распутица и снежные заносы с буранами на какое-то время приостановили наступление войск Третьего Украинского фронта, однако уже семнадцатого числа Совинформбюро передало сообщение о возобновлении наступления войск Третьего Украинского. В доме все воспряли духом.

...Двадцать второго февраля стало известно об освобождении Кривого Рога и выходе советских войск на рубеж рек Саксаль и Ингулец, и об успешном завершении Украинскими фронтами Корсунь-Шевченковской, Кировоградской, Ровенско-Луцкой и Никольско-Кировоградской операций. И в этот же день Совинформбюро сообщило о готовящейся операции по изгнанию немецко-фашистских войск с Крымского полуострова и выходу к границе СССР.

...Вернувшись из госпиталя, Орлов сказал:

– Пётр Парфёнович, надо посоветоваться. У меня в госпитале три врача-иностранца, которые имеют отдалённое представление о врачевании, но настойчиво пытаются под разными

предложениями сблизиться со мной. Один из них доктор Фрей, выдаёт себя за терапевта. Говорит, что учился в Венском мединституте. В Китае с 1939 года, но ни разу я от него не слышал, как он попал сюда. Хорошо говорит и по-китайски, и по-английски. Но однажды, совершенно случайно, я услышал, как он выругался по-немецки. Второй доктор Мюллер, еврей, родом из Германии, из Дюссельдорфа. Тоже выдаёт себя за терапевта. Хотя разбирается в медицине на уровне фельдшера. Но вот что интересно: оба, мне кажется, пытаются собирать военную информацию и сведения о состоянии дел в Особом районе. И третий – доктор Би Мейтис, сын китайки и малайца. Учился в Берлине. Воевал в Испании против Франко. Прекрасно говорит на китайском, немецком и английском языках. Но в медицине профан. Тем не менее, врачует. Все трое вошли в доме военных и гражданских руководителей. А с некоторыми из них даже в приятельских отношениях...

– И что из этого следует? – прервал его Владимир.

– Так идти мне с ними на сближение или нет? – в свою очередь задал вопрос Орлов. И тут же продолжил: – Есть у меня одна мысль, но мне сначала надо кое-что уточнить...

Уже на третий день после этого разговора Орлов сообщил:

– Ну что, Пётр Парфёнович, я кое-что сделал. Есть в госпитале один фельдшер. Работает с первого дня его приезда в Яньань. И большой любитель выпить. Я угостил его спиртом из своего резерва и поговорил с ним об этих докторях. И знаете, что он мне рассказал?..

И Орлов сделал выжидательную паузу.

– Нет, – усмехнувшись, ответил Владимир.

– И я до этого не додумался бы! – продолжил Орлов. – Так вот: Фрей и Мюллер приехали сюда вместе с доктором Ма Хайдэ, а Би Мейтис значительно позже. Но не это самое интересное. Ты помнишь, не так давно в Яньань приезжали американские миссионеры?

– Припоминаю... – ответил Владимир.

– Так вот, на второй день после их встречи с Кан Шэном один из миссионеров приезжал в госпиталь и долго беседовал с Би Мейтисом, затем с Фреем и Мюллером отдельно. Вот такие пироги, Пётр Парфёнович... – закончил свой рассказ Орлов.

Владимир слегка задумался.

– Интересно... – проговорил он. – Что общего у миссионеров с этими врачевателями?..

– Ну, об этом знают только они, – ответил Орлов. – И я не думаю, что и встреча с Кан Шэном, и в госпитале – это случайные явления.

Не соглашаться с Орловым было нельзя.

– Выходит, Кан Шэн продолжает налаживать контакты с американцами?.. – спросил Владимир.

– Он уже давно этим занимается, – ответил Орлов. – И делает это не по собственной инициативе...

...Двадцать пятого февраля в полдень приехала Цзян Цин. На улице было холодно и Владимир сразу предложил ей горячий чай, а Риммар поставил на стол свежее испечённые рисовые лепёшки с изюмом, старательно приготовленные Чаном. Цзян Цин обворожительно всем улыбнулась и проговорила:

– Как приятно, когда за тобой ухаживают сразу двое мужчин! – сделала глоток чая и продолжила: – На улице мороз, а у вас тепло... – Потянулась к своей сумке, которую повесила на спинку стула, достала из неё виниловую пластинку и подала Владимира. – Это песни моего любимого композитора Не Эра. Он гениальный музыкант! Вся его музыка пронизана древними народными напевами, светом и ритмом жизни... Я хочу подарить эту пластинку вам. Вернётесь в свою Москву, заведёте патефон, поставите пластинку... – Она на мгновение замялась, затем произнесла: – И вспомните о нас...

Владимир был тронут и подарком, и словами Цзян Цин.

– Спасибо, – сказал он. – Это действительно дорогой для меня подарок.

Цзян Цин снова улыбнулась, кротко вздохнула и продолжила:

– Моя жизнь до приезда в Яньань была настолько романтической, что порой я чувствовала себя птицей, парящей в небесах... А с музыкой Не Эра я познакомилась, когда жила в Шанхае. У нас в театре было много поклонников его музыки. Однажды в пьесе Ибсена «Кукольный дом», где я играла главную роль, я вопреки воле режиссёра, исполнила одну из песен Не Эра. Зал рукоплескал и гудел от восторга, а режиссёр после спектакля подбежал ко мне и при всех расцеловал!..

Цзян Цин говорила всё это с тихим восторгом, и от этого казалась ещё более очаровательнее. Потом резко оборвала свою речь и стала прощаться. Владимиров пошёл её провожать. У ворот нетерпеливо переминались с ноги на ногу двое охранников. Владимиров придержал Цзян Цин за локоть. Она замерла и насторожилась.

– Можно вам задать один вопрос? – спросил он.

– Задавайте... – совсем тихо ответила Цзян Цин.

– Скажите, вы в Шанхае снимались в кино под именем Лин Пинь?

– Да... – ответила она. – А вы откуда знаете?

– Один из ваших поклонников рассказал. Но это не важно. Скажите, вы с Кан Шэном познакомились тоже в Шанхае?

– Да... – слегка растерянно ответила Цзян Цин. И тут же добавила: – Это он предложил мне вступить в КПК и поехать в Яньань... С тех пор актриса Лин Пинь умерла, а вместо неё появилась Цзян Цин...

В голосе Цзян Цин Владимиров услышал нотки не то разочарования, не то сожаления. Владимирову, вдруг, стало не по себе.

– Простите меня, если я, не желая этого, заставил вас вспомнить о грустном... – сказал он.

– Нет, нет! Что вы! – возразила Цзян Цин. – Скорее, всё наоборот...

5

Март в долину не пришёл, а ворвался вместе с долгожданным теплом и шумными ручьями от таявшего в горах снега. Они срывались в овраги и ущелья, и превращались в стремительные потоки воды, несущиеся к реке, которая вышла из берегов и грозила затопить окраину города. Март прибавил хорошего настроения и всем обитателям дома. По сведениям Совинформбюро к началу месяца Украинские фронты закончили перегруппировку своих войск, пополнились личным составом и новой боевой техникой.

...Четвёртого марта Риммар принял сообщение Совинформбюро о переходе армий Первого Украинского фронта в широкомасштабное наступление. За первые сутки его ударные группировки прорвали глубокоэшелонированную оборону противника и в прорыв были введены две танковые армии Рыбалко и Богданова. А седьмого числа пришло сообщение об освобождении от неприятеля Изъяславля, Ямполя и Волочинска. И о выходе советских войск на рубеж железной дороги Львов-Одесса. Спустя три дня Совинформбюро сообщило уже о наступлении войск Второго Украинского фронта и освобождении Умани, Новоукраинки и Первомайска. И о выходе передовых частей к Южному Бугу. Восьмого числа перешли в наступление войска Третьего Украинского фронта. К концу дня они очистили от противника Новый Буг и перерезали железную дорогу Долинская-Николаев. Одновременно войска Четвёртого Украинского фронта приступили к подготовке переправ через Сиваш.

...К концу дня вернулся из госпиталя Орлов и прямо с порога объявил:

– У меня новость!

Владимиров усмехнулся.

– Андрей Яковлевич, ты у нас все новости с порога объявляешь... Ну, говори.

– Сегодня у меня в госпитале знаешь, кто был? Председатель компартии Японии Окано! Его пригласило в Яньань руководство КПК для распропагандирования японских военнопленных...

– А откуда они здесь взялись? – удивился Владимиров.

– Ну, этого я не знаю... – ответил Орлов. – А сам он был у меня со своими болячками... Орлов разделся и прошёл к столу.

– У нас сегодня праздничный ужин! – сообщил Владимиров. – Чан купил где-то лук, ещё какую-то зелень, отварил куриные яйца и сделал витаминный салат с настоящей сметаной!

– Живут же люди! – чуть насмешливо заметил Орлов. И продолжил: – Так вот этот Окано прекрасно говорит на английском. Оказывается, он несколько лет жил в США. Из разговора с ним я понял: к американцам он относится с уважением...

Пока они говорили, Риммар сходил на кухню и они вместе с Чаном накрыли стол. Пододвигая к себе тарелку с салатом, Орлов, вдруг, сказал:

– Други мои, а знаете, какая у меня мечта?

– Какая, Андрей Яковлевич? – спросил Риммар.

Орлов качнул головой и прикрыл глаза.

– Вдоволь поесть московского чёрного хлеба!..

Владимиров рассмеялся.

– Ну-у-у... Андрей Яковлевич!.. – произнёс он. – Такая мечта нам не по зубам...

Уже после ужина Орлов вспомнил.

– Да!.. Ещё одна интересная вещь!.. Я сегодня был у Жэнь Биши. Надо было решить с ним вопрос об обеспечении городских больниц перевязочным материалом. И знаешь, что я от него узнал? Политбюро приняло решение включить в список литературы, необходимой для чтения делегатами седьмого съезда партии две работы Ленина: «Детская болезнь левизны в коммунизме» и «Две тактики»... Я даже не поверил сначала. Потом он показал мне этот список!..

Владимиров воспринял эту новость молча. И Орлов даже слегка обиделся.

– Ты чего молчишь? – спросил он.

Владимиров усмехнулся.

– Как сказал древнегреческий поэт Гомер – об одном следует говорить, а о другом помолчать, – ответил он.

Орлов недоуменно пожал плечами.

– Ну, как знаешь... А я пошёл отдыхать. Завтра с утра мне надо проехать по городским больницам и разобраться с питанием больных. Какой-то дурак распорядился перевести больных на двухразовое питание... По этому поводу Гомер ничего не говорил? – чуть насмешливо спросил он.

– Нет, Андрей Яковлевич, – ответил Владимиров. И продолжил: – Зато в Китае говорят: от богатства рождается пресыщенность, от пресыщенности – спесь. А вот от чего рождается равнодушие к людям – не известно...

Глава третья

1

Тринадцатого марта весь город облетел слух: на границе Шанси-Хэбэй-Чахарского района начались бои с японцами и что они продвинулись вперёд на несколько десятков километров. На другой день уже пошёл разговор о боях с гоминдановскими войсками, а не с японцами.

...Четырнадцатого марта в Яньани состоялось срочное заседание Политбюро. Об этом Владимиров узнал от Бо Гу, к которому приехал выяснить, что на самом деле происходит. На удивление Владимирова, тот ответил:

– Ни у кого нет чёткого представления о том, что там происходит... Есть два человека, которые могли бы всё объяснить – это командир пограничными войсками в этом районе Не Жунчжэнь, он, кстати, тоже делегат седьмого съезда, и командующий войсками этой зоны Сяо Кэ, но их сейчас в городе нет... Я полагаю, через день-другой всё прояснится...

И о том, и о другом Владимиров уже слышал. Сяо Кэ был земляком Мао Цзэдуна и считался одним из самых опытных командиров, участник «Северного похода». Куда более интересная биография была у Не Жунчжэнь. Родился он и вырос в богатой семье, учился сначала во Франции, затем в Бельгии. В 1923 году вступил в КПК. Учился в Москве. И тоже был участником «Северного похода».

Бо Гу оказался прав. Уже пятнадцатого числа стало известно, что пограничные части КПК действительно атаковали японцы, но потом отступили на свои позиции. Однако, тревожные разговоры о нападении японцев продолжались в Яньани ещё несколько дней. Говорили и о множестве раненых, размещенных в центральном госпитале, среди которых были и японские военнослужащие. На вопрос Владимирова о японских военнослужащих, Орлов сказал, что в госпиталь привезли трех японских офицеров. С ними сейчас работает Окано. И добавил:

– По-моему, безуспешно... А почему они тебя заинтересовали? – спросил он.

Владимиров махнул рукой.

– В общем, Андрей Яковлевич, не они... Я удивляюсь, как здесь быстро распространяются панические слухи. Ты помнишь, что происходило в прошлом году? С одной стороны, такая мощная пропаганда против Гоминьдана и японцев, а с другой – панический страх перед ними...

Орлов усмехнулся.

– Ты знаешь, в чём я убедился за свою жизнь?... Можно натравливать одних людей на других, и даже народы, но, если эти люди или народы нищие и обездоленные, для них любые призывы к сплочению – пустой звук! На собраниях и митингах человек скажет что угодно, но придёт домой, увидит голодных детей и возненавидит и себя, и того, кто поручил ему выступить. Если бы мы могли отличать добро от зла, это была бы высочайшая человеческая мудрость.... И я Америки не открыл. До меня эту мысль высказал основатель диалектики Сократ. Прошли сотни лет, а мы так и не научились отличать добро от зла, правду от неправды. С благодарностью принимаем лесть, полагая, что это добродетель...

Орлов хотел ещё что-то сказать, но в эту минуту за дверью раздались торопливые шаги и на пороге появился Дэн Фа. Его приход означал только одно. И действительно, Дэн Фа торопливо поздоровался и сообщил, обращаясь к Владиминову.

– Товарищ Сун Пин, вас приглашает к себе товарищ Мао Цзэдун!.. Прямо сейчас... – добавил он.

На этот раз, к удивлению Владимирова, Дэн Фа был на лошади, но держался в седле неуверенно и заметно волновался. Когда они уже подъезжали к Ваньцзямину, Владимир не выдержал и спросил:

– Верхом удобнее передвигаться? Не правда ли?

– Кому как... – ответил Дэн Фа. – А по мне пешком надёжнее...

...Завидев подъезжающих к пещере Мао Цзэдуна, Владимирова и Дэн Фа, охранники стали наперебой приветствовать Владимирова.

– Ну вот... – сказал Дэн Фа. – Видите, как вас тут уважают...

Дверь в пещеру была открыта и завешана москитной сеткой. Видимо, Мао услышал приветственные возгласы своих охранников и вышел наружу.

– Это вас, товарищ Сун Пин, так приветствует моя охрана? – спросил он, добродушно улыбаясь.

– Да, товарищ председатель... – ответил Владимир. – Они хорошие ребята...

– Ну, здравствуйте, товарищ Сун Пин. – Прервал его Мао и крепко пожал руку. – Проходите...

Усадил Владимирова в кресло и, перехватив его взгляд на стену за рабочим столом, на которой невесть каким образом были прикреплены десятка два исписанных листов бумаги, пояснил:

– Вот, решил поработать над одной статьей... Меня очень волнует и настораживает позиция нашей внепартийной интеллигенции. Она, по-моему, заражена непониманием необходимости классового подхода к решению проблем нашей революции...

Владимиров уже знал: Мао часто делал так – писал текст статьи, развешивал листки бумаги на стене, затем читал, снимал со стены и делал поправки.

– ...Вот и выходит у нас, – продолжал говорить Мао тихо, словно рассуждал сам с собой, – буржуазия выступает против наших идей, рабочий класс – малочисленный. Преобладающее большинство населения Китая – крестьянство, но оно по своей природе мелкобуржуазно. Откуда нам черпать свежие силы для партии?..

Мао Цзэдун сделал паузу и Владимир воспользовался этим.

– Из тех же рабочих и крестьян, – заметил он. – Вы же, наверное, помните, Конфуций говорил: «Если я иду с двумя людьми, то у них обязательно есть чему научиться. Надо взять то хорошее, что есть у них, и следовать ему. От нехорошего же надо избавиться».

Мао Цзэдун довольно улыбнулся.

– Браво, товарищ Сун Пин! – и медленно трижды хлопнул в ладони. – Порой, мне кажется, что вы, когда идёте ко мне, перечитываете Конфуция. Я понимаю, это сделать невозможно, но вы не перестаёте меня удивлять...

В это время в помещение из кухни вошёл один из охранников с медным тазиком, наполненным горячей водой и махровым полотенцем через плечо. Молча поставил тазик у ног Мао, положил рядом с ним на подлокотник кресла полотенце и так же молча удалился. Мао взял полотенце, опустил его в горячую воду, сильно выжал и приложил к лицу. Подержал несколько минут и только после этого пояснил:

– Я таким образом снимаю головную боль. Не знаю, как кому, а мне помогает... Так на чём мы остановились? – спросил он.

– Откуда партии черпать свежие силы, – напомнил Владимир.

– Да, да... Верно!.. – Мао встал, подошёл к книжной полке и снял с неё томик работ Ленина. Это было довоенное издание в темно-коричневом переплёте. Открыл где-то на середине и стал читать: – «...Социал-демократического сознания у рабочих и не могло быть. Оно могло быть привнесено только извне. История всех стран свидетельствует, что исключительно своими силами рабочий класс в состоянии выработать лишь сознание тред-юнионистское...» – Мао прервал чтение и вопросительно посмотрел на Владимирова. – Разве китайский рабочий

класс не в таком состоянии? Послушайте, что товарищ Ленин пишет дальше: «...Учение же социализма выросло из тех философских, исторических и экономических теорий, которые разрабатывались образованными представителями имущих слоев, интеллигенцией».

Мао закончил читать, закрыл томик, поставил его на место и продолжил:

– Наша партия, что бы мы ни говорили и не предпринимали, стоит сегодня на перепутье: пойдёшь прямо – неизвестно куда придёшь. Пойдёшь налево – там враги. Пойдёшь направо – там ещё больше врагов. – Чему-то усмехнулся и сменил тему разговора. – На днях на заседании Политбюро было высказано мнение, что некоторые наши руководители безнадёжно устарили. И надо искать им замену среди молодёжи. В частности, речь шла о товарище Чжу Дэ. Даже вспомнили, что он когда-то служил в армии у милитариста Цай Э. Это наш китайский фашист. – И Мао небрежно махнул рукой. – Ну, допустим, мы согласимся на замену товарища Чжу Дэ. А кого поставить на его место?

Мао умолк и выжидающе посмотрел на Владимирову.

«Так вот зачем я здесь...» – подумал Владимиров, а вслух проговорил:

– Это, конечно, ваше право, но я знаю, к Чжу Дэ в Яньани и в войсках относятся с особым уважением, как к одному из основателей вашей Красной Армии.

Мао коротко кивнул головой, потянулся к пачке сигарет, достал одну и прикурил.

– Не могу отвыкнуть от курения... – проговорил он. – Жена не раз настаивала, чтобы я бросил курить. Пробовал – не получается... Да! – вдруг вспомнил Мао. – Она тоже хотела вас видеть! Но, приболела... Потому просила передать вам... – Мао с трудом дотянулся до ящика стола, открыл его и двумя пальцами извлёк из ящика книгу. – Это стихи... – пояснил он. – Почему она решила потчевать вас стихами – не пойму. Тут два поэта: Лу Цзя и Цзя И. Что она в них такого нашла... Я, если у меня выдаётся свободное время, больше люблю читать старинные китайские романы. В них есть чему поучиться...

Владимиров взял из рук Мао книгу стихов и поблагодарил его.

– Передайте, пожалуйста, вашей супруге моё пожелание скорее поправиться, – добавил он.

– Непременно передам, – ответил Мао, встал из кресла и подал Владимирову руку. – До свидания, товарищ Сун Пин.

...Уже по дороге домой Владимиров старательно перебрал в памяти содержание состоявшегося с Мао разговора, пытаясь понять, что было главным в нём, и что хотел Мао донести до него. «Разговор о партии – это была прелюдия», – решил он. Наверное, главным было то, когда он снял с полки томик Ленина и прочитал выдержку из его работы, и тем самым продемонстрировал себя марксистом и заодно, как подтверждение своей правоты относительно его тревоги за интеллигенцию. Разговор о Чжу Дэ и о том, что у того есть противники – это всего-навсего информация для размышления. Если же Мао хотел проверить его реакцию на мнение кого-то из членов Политбюро по отношению к Чжу Дэ, проверил.

...Владимиров подъехал к дому уже в сумерках и увидел у ворот Риммара с Орловым. Риммар был с ружьём.

– Что случилось? – спросил Владимиров, спешиваясь с лошади.

– Волк приходил к нам в гости! – ответил Орлов.

– А как вы узнали?

– Машка учуяла его и такой лай подняла...

– Огромный! – добавил Риммар. – Я ещё таких не видел...

Владимиров отвёл лошадь на конюшню и вернулся к Орлову и Риммару.

– А почему не стреляли? – поинтересовался он и тут же вспомнил требование охранников Мао не стрелять и не беспокоить обитателей Яньцзалина.

Орлов промолчал, а Риммар проговорил:

– Помните, вы говорили о волке, с которым зимой встретились на тропе? Это он приходил...

Владимиров недоверчиво посмотрел на Риммара.

– Ну, Коля, ты у нас гений!.. Все волки серые...

– Нет, нет, Пётр Парфёнович, – вступился за него Орлов. – Это он приходил. Николай поднял ружьё, а он стоит и смотрит ему в глаза...

– Ну, я и опустил ружьё, – добавил Риммар. – А волк развернулся и медленно ушёл...

Владимиров недоверчиво качнул головой.

– Ну и чудеса в решете! – проговорил он. – Интересно, зачем он приходил?..

Ответ на вопрос Владимира появился совсем неожиданно. Через два дня Чан пошёл за дровами и недалеко от дома в кустах нашёл мёртвого волка с короткой металлической стрелой, которая глубоко вонзилась ему в бок. Когда Чан рассказал о своей находке, Риммар – глянул на Владимира, затем перевёл взгляд на Орлова.

– Это что же выходит?.. Он к нам за помощью приходил?.. Не может такого быть...

Владимиров промолчал. Действительно, случай невероятный и, на первый взгляд, неправдоподобный. А Орлов сказал:

– Всё, Коля, в жизни бывает... Звери, живущие рядом с людьми, становятся умнее, а люди становятся наподобие зверей...

2

На следующий день во время завтрака Владимир поинтересовался у Орлова.

– Ты куда не торопишься?

– Нет, – ответил тот. – У меня в одиннадцать часов встреча с Жэнь Биши, а во второй половине дня одна операция в госпитале, другая в городской больнице. А почему ты спросил? – в свою очередь задал вопрос Орлов.

– Я всё вот о чём думаю... – начал говорить Владимир. – Давай проведём мозговой штурм. – И, заметив, что Орлов не понял его, пояснил: – Давай вспомним всё, что мы знаем... О Мао. Итак, родился он в 1893 году в семье зажиточного крестьянина. Южин как-то говорил, что у Мао ещё в начальной школе появилась тяга к старинной китайской литературе. В 1911 году он бросил учёбу и добровольно вступил в отряд Сунь Ятсена, который участвовал в свержении последнего отпрыска династии Цин...

– Был связным в одном из отрядов, – добавил Орлов. – Об этом тоже Южин говорил. В это время Мао и стали называть «жёлтым драконом».

Владимиров удовлетворённо кивнул головой.

– Идём дальше... – сказал он. – Через год Мао по состоянию здоровья уходит из отряда, возвращается домой и продолжает учёбу в коммерческой школе. Где-то в районе 1918 года он поступает в педагогическое училище в Чанша. Затем уезжает в Пекин, где находит себе работу в библиотеке Пекинского университета. Что ещё?

Орлов пожал плечами.

– Насколько я знаю, во время пребывания Мао в Чанша, он был одним из организаторов общества «Новый народ» или «Новый Китай». Я точно не помню...

– «Новый народ», – подсказал Владимир. – Хорошо... Идём дальше. В 1919 году Мао, это уже из его биографии, знакомится с марксистской литературой и становится горячим сторонником марксизма. В 1920 году Мао возвращается в Чанша и организует «Общество культурного чтения для распространения революционных идей». Длинное, конечно, название, но определённое. В этом же году он женится.

– Девушку звали Ян Кайхай, – подсказал Орлов. И пояснил: – Она была дочерью одного из бывших учителей Мао...

Владимиров отрицательно качнул головой.

– Нет, Андрей Яковлевич! В Китае бывших учителей не бывает!.. Здесь учитель на всю жизнь! Китайцы говорят: «Родители дарят детям жизнь, а учителя – добрую жизнь». Ладно... Пошли дальше. В 1921 году по биографическим данным, Мао избирается делегатом от провинции Хунань на учредительный съезд КПК, который проходит в Шанхае. Если мне не изменяет память, это происходило в июле 1921 года. А вот дальше происходит нечто непонятное... Мао вместе с несколькими членами КПК примыкает к откровенно националистической партии Гоминьдан. Но вскоре он снова возвращается в Хунань, где организует профсоюз рабочих и крестьян. В 1925 году переезжает в Кантон. И получает здесь работу в крайне радикальном еженедельнике. Название его не помню... И привлекает к себе внимание Чан Кайши. Вскоре Мао становится руководителем отдела пропаганды Гоминьдана. Но ненадолго. У него появляются серьёзные разногласия с Чан Кайши и Мао лишается своей должности. С этого момента, мне кажется, – предположил Владимиров, – Чан Кайши и Мао становятся непримиримыми врагами...

– Нет, Пётр Парфёнович, – на этот раз возразил Орлов. – Это произошло после того, как гоминдановцы в 1930 году казнили жену Мао. Чисто по-человечески, его понять можно...

– Согласен, – ответил Владимиров. – Мао уходит в подполье и становится одним из организаторов революционных отрядов для борьбы с Гоминьданом. И даже возглавлял восстание, которое было жесточайшим образом подавлено. После этого Мао с остатками своих сторонников уходит в горы, где вместе с Чжу Дэ формирует вооружённые отряды. Им даже удалось создать в горах Цзингана советскую республику, граничащую с провинциями Хунань и Цзянси. Ну, а дальше всё как на ладони, – сделал заключение Владимиров. Какое-то время в комнате стояла ватная тишина. Её нарушил Орлов.

– А ты знаешь, Пётр Парфёнович, ко всему тому, что сейчас происходит здесь, мне кажется, и Мао, и его окружение пришли не сразу. Давай вспомним. После разгрома гоминдановцами в 1934 советской республики в горах Цзингана, Мао и Чжу Дэ со своим отрядом пришлось пробиваться на Север Китая. Если верить неофициальным данным из Цзингана с Мао и Чжу Дэ вышло девяносто тысяч человек бойцов вместе с семьями, а до провинции Шаньси дошло немногим более четырёх тысяч человек. И ещё один немаловажный факт, – продолжил Орлов. – В декабре 1936 года после того, как японские войска вторглись в Китай, Мао нашёл в себе силы помириться с Чан Кайши. Что случилось потом, известно одному богу. Я не собираюсь защищать Мао, я пытаюсь проанализировать... Как ты сказал?

– Провести мозговой штурм, – усмехнулся Владимиров.

– Вот-вот... А о том, что Мао незаурядная личность, говорить не приходится... Но почему в Москве сделали ставку на Чан Кайши, будто на нём свет клином сошёлся – трудно понять...

3

Девятнадцатого марта Совинформбюро сообщило о продолжении успешного наступления всех советских фронтов: войска Первого Украинского с боями наступали в общем направлении на Львов – Перемышль с задачей выйти на государственную границу СССР в районе Западного Буга; войска Второго Украинского фронта наступали в направлении на северную Молдавию для выхода к Днестру через Могилев и Ямполь; в это же время ударные группировки Третьего Украинского фронта стремительно продвигались в направлении на Николаев с задачей овладеть Тирасполем и Одессой. Войска Второго Белорусского фронта с тяжелейшими боями продвигались в направлении на Ковель и Брест.

Радио Чунцина в этот день сообщило о неудачных боях союзников в Бирме, разрыве отношений Центрального правительства с Шаньсинским милитаристским государством во главе с Янь Сишаням и о приказе Чан Кайши провести очередную мобилизацию в армию.

...В полдень на обед приехал Орлов. Владимиров поделился с ним своим мнением о последних событиях. Тот молча выслушал, затем сказал:

– У меня тоже есть новость. Я был у Ван Мина. Он практически уже на ногах. Правда, до полного выздоровления ещё далеко. Травлю против него прекратили, и он стал более спокойный... Чего не могу сказать о Розе Владимировне. – И пояснил: – она очень переживает за то, что произошло с ним... Понимаешь, о чём я говорю...

Владимиров кивнул головой.

– Не нам его судить... – обронил он.

Уже после обеда, собираясь снова ехать в госпиталь, Орлов неожиданно заявил:

– Единственное светлое пятно здесь это Цзян Цин.

Владимиров с удивлением глянул на него.

– Неужели и ты попался под её чары? – чуть насмешливо спросил он.

– Нет, Пётр Парфёнович, – ответил тот. – Я доктор и не могу не замечать женской красоты. Она и лечит, и калечит... Да, ты знаешь, что она в больнице?

– А что с ней? – поинтересовался Владимиров.

– Женское хроническое заболевание, – ответил Орлов.

Всё это Владимирову показалось странным. На медицинские осмотры она ездила к Орлову, а положили Цзян Цин в городскую больницу.

– Если не трудно, узнай о её состоянии, – попросил Владимиров. – Ты же её смотрел всё это время...

– А тебе это важно? – в свою очередь поинтересовался Орлов.

Владимиров слегка пожал плечами.

– В общем, не важно... – ответил он.

4

День двадцать восьмого марта с утра выдался по-настоящему весенним. В тёплых лучах солнца, казалось, купалась не только яркая молодая зелень, но и скалистые горы выглядели так, словно они сбросили с себя тяжесть тысячелетий. И только из ущелий, где с шумом неслись потоки воды, тянуло сырой прохладой.

...В этот день Владимиров решил съездить к Бо Гу и уже стал одеваться, но в это время во двор верхом на лошади въехал Мао Цзэдун в сопровождении двух охранников. Владимиров вышел его встречать. Вид у Мао был усталый.

– Здравствуйте, товарищ Сун Пин! – вяло проговорил он, с трудом слезая с лошади. Подал Владимирову руку и продолжил: – Ночью работал, а потом уснуть не мог. Решил прогуляться верхом, а потом подумал: а почему бы к вам не заехать...

– Гостям мы всегда рады, – ответил Владимиров. – Я могу угостить вас чаем...

– Нет-нет! Спасибо!.. – отказался Мао. – Я с утра напился чая. – Когда они уже вошли в дом, Мао неторопливо достал из кармана старенькой куртки вчетверо сложенный лист бумаги и положил перед собой на стол. – Это телеграмма, – пояснил он. – Я попрошу вас отправить её в Москву моему сыну Ань Ину... С нашей радиостанции отправлять не могу... Сами понимаете... – Мао похлопал ладонями по своим карманам в поиске сигарет.

Владимиров подал ему коробок со спичками. Мао прикурил и продолжил:

– Не люблю я лишних разговоров вокруг меня и моей семьи...

– Я сегодня же отправлю, – пообещал Владимиров.

– Да... Да... Отправьте... В ней ничего секретного нет... – зачем-то добавил Мао. И тут же встал с места. – Не стану обременять вас своим присутствием. Я вижу, вы куда-то собирались...

– По делам, в город... – ответил Владимиров. Говорить о том, что он собирался ехать к Бо Гу, не стал.

Мао Цзэдун подал ему руку и молча направился к выходу, но у самой двери вдруг остановился и, обернувшись, сказал:

– Я поздравляю вас с блестящими успехами вашей Красной Армии. Возможно, этот ад скоро закончится...

После отъезда Мао Цзэдуна Владимиров вернулся в дом, взял со стола телеграмму и стал её читать. Мао сообщал сыну, что все письма, которые он шлёт ему, Мао получает и радуется за его успехи в учёбе. И просил передать привет руководству академии. «...И ещё прошу, – писал Мао, – если состоится у тебя встреча с товарищами Димитровым и Мануильским, передай им от меня, что руководство китайской компартии во многом обязана им в том, что китайская молодёжь проходит обучение в учебных заведениях Советского Союза, который взял на себя материальную обязанность содержать китайскую молодёжь. И высоко это ценит».

Час спустя телеграмма Мао была отправлена в Москву. К Бо Гу в этот день Владимиров так и не поехал.

...Уже глубокой ночью Риммар принял новую сводку Совинформбюро о ходе наступления советских войск и боёв, которые развернулись за город и порт Николаев, форсировании Южного Буга и захвату нескольких важных плацдармов на его правом берегу.

Утром Владимиров, пока отдыхал Риммар, поймал волну, на которой работало московская «Радио Москва», как раз в тот момент, когда диктор сообщил о ночном штурме Николаева и полном освобождении города от неприятеля. Днём Владимиров встретился с Бо Гу в редакции газеты «Цзефан Жибао».

– ...Я в курсе всех ваших событий, происходящих на восточном фронте, – сказал Бо Гу. – Но меня удивляет распространяемые западными средствами массовой информации сведения о, якобы, продолжающемся конфликте между Москвой и союзниками по поводу передачи Советскому Союзу его доли боевых кораблей Италии. Возможно, Сталин и прав, требуя немедленного раздела итальянского флота, но видимо, кому-то это не нравится. – И Бо Гу неопределённо пожал плечами. – Насколько я знаю, союзники предлагают отдать Москве вместо итальянских кораблей восемь английских эсминцев, а итальянский флот не делить до лучших времён... Ну Ладно... Это не самое главное. Так что вы хотели узнать у меня? – спросил Бо Гу и внимательно посмотрел на Владимирова.

– У меня всего один вопрос к вам, – ответил тот. – Скажите, это верно, что люди Кан Шэна пытаются налаживать контакты с представителями США в Чунцине?

– Верно, – ответил Бо Гу. – Насколько я знаю, уже есть предварительная договорённость разрешить американцам открыть в Яньани свой корреспондентский пункт. В дальнейшем планируются широкие контакты с американцами с целью проведения переговоров о военно-технической помощи со стороны США. Правда, об этом предпочитают пока не говорить особо...

– Тогда можно задать ещё один вопрос? – спросил Владимиров, слегка шокированный услышанным.

Бо Гу усмехнулся.

– Задавайте...

– Мао Цзэдун знает об этом?

– Конечно! – уверенно ответил Бо Гу. – Без его согласия Кан Шэн на такое бы не решился...

...День был уже на исходе, когда приехала Цзян Цин в сопровождении новых охранников. Владимиров мысленно перекрестился, увидев, что почти одновременно к воротам подъехал и Орлов. Владимиров вышел встречать Цзян Цин и не сдержался от вопроса.

– У вас снова новая охрана? Те не оправдали доверия?

– Наверное, не оправдали, – ответила Цзян Цин. – Мне не докладывают. – И обратилась к Орлову: – А я на днях собиралась к вам приехать... Проконсультироваться надо... – И снова обратилась к Владимирову: – Я к вам по делу... – И, когда они уже были в доме, проговорила: – В нашем жилище до сих пор прохладно, а у вас тепло...

– Переезжайте к нам, – пошутил Орлов.

Цзян Цин насмешливо спросила:

– Вместе с мужем?

– Мы готовы принять у себя всё Политбюро! – пришёл на выручку Орлову Владимиров.

Цзян Цин беспомощно развела руками.

– Мы сегодня с мужем поспорили. Я сказала ему, что драматургия существовала не только в древнем Китае, но и на Западе. И назвала ему древнегреческого драматурга Эсхила, который написал много драм, в том числе, и знаменитые драмы «Прикованный Прометей» и «Персы». А он высмеял меня... – И Цзян Цин посмотрела на Владимирова такими глазами, словно, от него теперь зависела её жизнь.

– Вы абсолютно правы! – вступил в разговор Орлов. – И, хотя я не специалист в области драматургии, я уверяю вас: Эсхил, действительно, написал и драмы «Прикованный Персей» и «Персы»!

У Цзян Цин от радости засияли глаза.

– Вы спасли меня! – сказала она Орлову, подошла к нему и поцеловала в щеку. – Спасибо!

– А вы никак поспорили на что-то? – предположил Владимиров.

Цзян Цин в ответ загадочно улыбнулась.

– Да, – и стала прощаться. – Муж попросил меня нигде не задерживаться, – сказала она. – Сегодня у нас чуть ли не все правительство собирается. Приезжал Кан Шэн и доложил мужу, что уже все формальности решены и к нам скоро должны приехать какие-то американцы... Может, это вам не важно?..

– Очень важно, – ответил Владимиров. – Разрешите, я вас провожу?..

Цзян Цин молча кивнула головой.

Вернувшись в дом, Владимиров поинтересовался:

– Андрей Яковлевич, откуда у тебя такие познания в древнегреческой драматургии?

Орлов махнул рукой.

– Где-то слышал...

– Но ты же рисковал!.. Она не просто так приезжала!.. Они на что-то поспорили...

– Риск – благородное дело, Пётр Парфёнович, – ответил Орлов. И тут же продолжил. – А ты знаешь, кто был у Цзян Цин просветителем в её познаниях древней западной драматургии? Режиссёр шанхайского театра, к которому она ушла от своего мужа актёра Тан На, оставив ему двоих детей...

Владимиров недоверчиво посмотрел на Орлова.

– Андрей Яковлевич, ты ничего не путаешь? – спросил он.

– Нет, Пётр Парфёнович, ничего не путаю! После ухода Цзян Цин, Тан На пытался покончить с собой, выпил яд, но выжил. Об этом каким-то образом узнали шанхайские газетчики и стали на сторону бедного актёра. Во всех газетах появились ядовитые статьи, в которых Цзян Цин называли гулящей деревенской девкой. Её перестали принимать в хороших домах. Дорога в кинопрокат тоже была закрыта. И вот тут Цзян Цин под руку подвернулся Кан Шэн, с которым она сначала приехала в Чунцин, а затем сюда!

Владимиров удивлённо покачал головой.

– Андрей Яковлевич, откуда у тебя такая информация о Цзян Цин? – спросил он.

– Скажу – не поверишь, – ответил тот. – Был у меня сегодня Кан Шэн. Нёс разную чепуху, а потом завёл разговор о Цзян Цин и проговорился... А может, специально это сделал...

Глава четвертая

1

В ночь с первого на второе апреля над долиной впервые с приходом весны пролился дождь, тихий, без ветра и продолжился весь день, напоивая землю живительной влагой и очищая воздух от лёгкой пыли. За одни сутки природа ожила и повеселела. На склонах лошин, словно, по мановению волшебника, яркими пятнами зазеленел низкорослый кустарник.казалось, преобразился и город. И только развалины домов во многих местах, оставшиеся от японской бомбардировки в 1941 году, вызывали мрачные чувства.

...Третьего числа в полдень приехал Орлов и рассказал, что по всему городу солдаты снимают лозунги, проклиная Чан Кайши и развешивают плакаты, призывающие к сотрудничеству с Гоминьданом. А у Восточных ворот даже вывесили огромный плакат, на котором написано: «Да здравствует союз между КПК и Гоминьданом!» Владимирова недоверчиво посмотрел на Орлова.

– Андрей Яковлевич, сегодня не первое апреля!... – сказал он.

– Клянусь тебе всеми святыми, которых знаю! – запальчиво воскликнул Орлов.

Владимиров задумался.

– Да-а-а... – проговорил он. – Чудеса в решете, да и только... Или мы с тобой что-то пропустили, или что-то готовится... Поеду-ка я к Бо Гу...

...Бо Гу действительно оказался в курсе происходящего в Яньани: ожидался прилёт из Чунцина группы американских корреспондентов. По всему Особому району было запрещено проведение собраний, митингов или просто говорить что-нибудь негативное о Чан Кайши и Гоминьдане.

– ...Мао понимает, что по отношению к Чан Кайши, как главе государства, и по отношению к Гоминьдану, американцы будут судить и о нас, – сказал Бо Гу, усмехнулся и добавил: – Я вам скажу больше: уже утверждён план и маршруты передвижения американских корреспондентов по территории Особого района и определены воинские части, которые они могут посетить.

Владимиров всё понял.

– Скажите, пожалуйста, кроме демонстрации дружеского отношения к Чан Кайши и Гоминьдану, есть ещё какие-нибудь цели? – решил уточнить он.

– Конечно, – ответил Бо Гу. Встал с места и заходил по своему небольшому кабинету. – Первая, но не самая главная, продемонстрировать, как вы верно заметили, лояльное отношение к Чан Кайши. А затем уже добиться от американцев согласия на военно-техническое сотрудничество, а проще говоря, на военно-техническую помощь со стороны США. И уже после этого ставить вопрос о введении в состав Центрального правительства представителей Особого района. Естественно, тоже не без помощи американцев.

Владимиров недоверчиво покачал головой. На первый взгляд, всё, что сказал Бо Гу, было просто нереально, если судить по настроению среди руководства Особого района. Да и Чан Кайши навряд ли согласится ввести в состав своего правительства представителей КПК. Это для него было бы равносильно самоубийству. Владимирова знал точно: авторитет КПК был высок даже на территориях, контролируемых Гоминьданом. Да и американцы не дураки, чтобы пойти на конфликт с Чан Кайши. Все эти мысли роём пронесли в голове Владимирова, а вслух он спросил:

– И все согласны с таким планом?

– Конечно. – ответил Бо Гу и добавил: – У вас, как говорят? «Лучше синица в рукавице, чем голубь в небе». Так?

– Да, так... – ответил Владимир.

Бо Гу широко развёл руки.

– Это лучше, чем ничего... – проговорил он.

...В этот же день Совинформбюро сообщило о прорыве советскими войсками обороны противника на реке Прут и выходе к границе с Румынией. По сведениям Совинформбюро войска Первого Украинского фронта под командованием маршала Жукова своими ударными группировками вышли к предгорью Карпат. В ходе боёв неприятель потерял семь пехотных, семь танковых и одну моторизованную дивизий. Было убито свыше ста восемнадцати тысяч солдат и офицеров противника, уничтожено тысяча триста тридцать восемь танков и самоходных орудий.

Вечером, когда приём улучшился, Риммар поймал волну, на которой работала радиостанция британского агентства «Рейтер». Диктор сообщил, что в США, в Филадельфии, приступило к работе международное бюро труда, которое Сталин предложил Рузвельту и Черчиллю преобразовать в орган объединённых наций, наделённый широкими полномочиями в разрешении международных проблем. И уже ночью из Чунцина пришло сообщение о тяжёлых затяжных боях с японцами в районе дороги Импал-Тидуим и в горных районах к востоку от Кохима, где правительственные войска вынуждены были отступить.

2

Девятого апреля Совинформбюро передало новое сообщение об освобождении войскам Третьего Украинского фронта Одессы. В сообщении говорилось, что в районе железнодорожной станции Выгоды фашисты бросили десятки эшелонов с военной техникой и имуществом.

– ...Я был в тех местах до войны, – сказал за ужином Владимир. – Со взятием Одессы теперь открывается прямая дорога на Тирасполь и к Днестру.

И уже поздно ночью Риммар поймал волну, на которой работала вашингтонская радиостанция. Она сообщила о готовящемся визите в Чунцин вице-президента США Генри Уоллеса. И прокомментировала предложение франкистского правительства Испании Лондону и Вашингтону прекратить войну против Германии и объединиться с ней для борьбы против Советского Союза.

На следующий день за завтраком зашёл разговор о визите в Чунцин Генри Уоллеса. Орлов заявил.

– Всё очень просто! Война на западе идёт к завершению. Так?

– Допустим, – согласился Владимир.

– Второго фронта как не было, так и нет. – И Орлов сделал многозначительную паузу. – Следовательно, наши союзники решили, что в скором времени центром дальнейших военных событий будет...

– Дальний Восток! – продолжил Владимир. И добавил: – А если быть точным – Юго-Восточная Азия! И визит Уоллеса тому подтверждение!..

В это время в дом вошёл Чан. Он ездил на рынок за зеленью и привёз, по просьбе Владимира, последний номер газеты «Цзефан Жибао». Владимир взял в руки газету и развернул её. Вся первая полоса пестрела заголовками о боевой готовности частей и подразделений четвёртой и восьмой армий, и их способности нанести сокрушительный удар по любому агрессору. На третьей полосе увидел статью о спасении американских лётчиков, сбитых японцами и оказавшихся на территории, подконтрольной войскам КПК и партизанским отрядам. Просмотрев всю газету, Владимир отложил её в сторону.

– Да-а-а, ребята... – проговорил он. – Обстановка меняется... Надо держать ушки на макушке...

...В конце дня вместе с Орловым приехал Чжу Дэ. Поздоровавшись с Владимировым, Чжу Дэ, немного смущаясь, сказал:

– Был у доктора Орлова на приёме... Потом решил заехать к вам...

– Мы рады такому гостю, как вы, – ответил Владимиров. – Сейчас мы что-нибудь придумаем...

Однако Чжу Дэ энергично запротестовал.

– Нет, нет!.. Ничего не надо!.. Я на пару минут!..

– Но чай-то мы попьём? – вступил в разговор Орлов.

Чжу Дэ махнул рукой.

– Чай попьём, – согласился он.

Пока пили чай, Чжу Дэ рассказал о налёте американской авиации на японские базы на Каролинских островах и об отступлении войск Центрального правительства из Ханани. И уже прощаясь, сказал.

– ...Вчера состоялось заседание Политбюро, на котором принято решение в мае начать переговоры с Гоминьданом по всем самым болезненным вопросам. Руководителем нашей делегации для поездки в Чунцин утверждён Линь Боцюй. Ну, вот и всё!.. Спасибо за чай. Мне пора и восвояси возвращаться. А то пока ехали к вам, над горами начали тучи собираться. Как бы не попасть под дождь...

Однако Чжу Дэ ошибся: вместо дождя ночью разразилась пылевая буря. Порывистый ветер из пустыни Гоби нёс тучи лёссовой пыли. И только во второй половине дня порывы ветра стали стихать, однако, на всё было страшно смотреть: лёссовая пыль покрыла слоем кустарники, траву, дороги, строения и даже деревья казались умершими. Настроение у всех было мрачное. К тому же у Владимира, вдобавок ко всему, ещё и начался приступ застарелой почечной болезни и он, первый раз за всё время пребывания в Яньани, слег в постель. Уже поздно вечером приехал Орлов. Увидел Владимира в постели и всё понял. Из своего чемоданчика достал какой-то порошок, развёл в стакане тёплой воды и заставил Владимира выпить. Боль постепенно стала отпускать. Владимиров попытался даже встать с постели, но Орлов запротестовал.

– До утра никаких подъёмов! – сказал он. – Разве что по необходимости.

...Было около одиннадцати часов вечера, когда Риммар записал сообщение Совинформбюро. В нём говорилось о проведённом в Москве салюте в честь прорыва войсками Четвёртого Украинского фронта обороны немцев на Перекопском перешейке и на Сиваше. Риммар постучал в дверь Владимира, чтобы сообщить о последней новости.

– Пётр Парфёнович, вы не спите? – тихо спросил он, приоткрыв дверь.

– Нет, Коля. Заходи...

– Только что передали: наши прорвали оборону немцев на Перекопском перешейке и форсировали Сиваш! – не заходя в комнату, доложил Риммар.

– Вот и хорошо... – ответил Владимиров. – Значит, ворота в Крым открыты... Теперь будем ждать, когда немцы побегут из Крыма... – И тут же спросил: – А Андрей Яковлевич спит?

– Нет, – ответил Риммар. – Дверь в его комнату открыта, а его нет... Наверное, на улице... Прошло ещё с полчаса, а Орлов не появлялся. Владимиров забеспокоился.

– Коля, выйди, посмотри, где он.

Риммар вышел из дома, но через несколько минут вбежал в дом и растерянно сказал:

– Пётр Парфёнович!.. Он возле ворот лежит!.. Я его окликнул, а он не шевелится...

Владимиров бросился из дома и увидел у ворот Орлова. Он лежал на боку и не двигался. Владимиров проверил пульс у Орлова. Пульс прослушивался.

– Слава богу!.. Живой!.. – проговорил он.

Вдвоём с Риммаром они осторожно подняли Орлова с земли, перенесли в дом и положили на кровать. Орлов тихо застонал и открыл глаза. Некоторое время с недоумением смотрел на них, затем спросил:

– Живой я, или уже в раю?

– Ну и шуточки у тебя, Андрей Яковлевич! – с облегчением проговорил Владимиров. – Что случилось?

Орлов наморщил лоб.

– Не знаю... – и взялся обеими руками за голову. – Звон в голове стоит... Как будто не голова, а церковный колокол... Вышел во двор прогуляться... Походил и решил уже возвращаться в дом и тут мне показалось, что у ворот кто-то стоит... Я подошёл к воротам и сразу почувствовал удар по голове... Больше ничего не помню... А сколько сейчас времени? – Болезненно сморщившись, спросил он.

– Около двенадцати, – ответил Риммар.

Орлов машинально посмотрел на свою левую руку, на которой он носил швейцарские часы, подаренные ему друзьями перед отлётом из Москвы.

– А часов нет... – проговорил он.

Владимиров укоризненно покачал головой.

– Скажи спасибо, что живой...

Орлов снова болезненно поморщился.

– Спасибо... Только кому?..

– Судьбе, Андрей Яковлевич, – усмехнулся Риммар.

Орлов махнул рукой.

– Ладно, ребята... Идите спать... – сказал он. – Утро вечера мудренее...

...Утром Владимиров настоял, чтобы Орлов не ехал в госпиталь.

– Андрей Яковлевич, а если у тебя сотрясение мозга? Ты сам доктор и знаешь, что с этим делом шутить нельзя!

Вдвоём с Риммаром они всё же уговорили Орлова остаться дома.

...В полдень в доме неожиданно появился Кан Шэн. Поздоровался, сел за стол неторопливо достал из кармана швейцарские часы и положил перед собой.

– Ваши? – спросил он чуть насмешливо. Владимиров взял часы в руки. На крышке часов была сделана гравировка: «Орлову Андрея Яковлевичу от друзей».

– Это часы Орлова, – ответил он. – Если не секрет, как они у вас оказались? – поинтересовался Владимиров, уже начиная догадываться, каким образом часы Орлова попали к Кан Шэну.

– Это не столь важно, товарищ Сун Пин, – всё так же чуть насмешливо продолжил Кан Шэн. – Главное, они возвращены хозяину.

Владимиров поблагодарил Кан Шэна и предложил чай.

– Нет, спасибо, товарищ Сун Пин. – ответил тот. – Угостите в другой раз и чем-нибудь покрепче... Я думаю, такие часы того стоят. – Встал и направился к выходу, но у самой двери остановился и добавил: – Теперь вы убедились, что и я могу быть вам полезен...

3

Четырнадцатого апреля утром Риммар поймал волну, на которой работала правительственная радиостанция Гоминьдана, которая сообщила о возобновлении боёв против наступающих войск двенадцатой японской армии на Северном фронте в районе городов Чжанчжоу и Цюэшань. И одновременном наступлении одиннадцатой японской армии на Центральном фронте с явным намерением окружить китайские войска в долине реки Хуанхэ. На следующий день Чунцинская радиостанция снова сообщила о тяжёлых позиционных боях на этих фронтах.

...Шестнадцатого числа Владимиров поехал к Бо Гу, чтобы уточнить, по возможности, что происходит на китайских фронтах и заодно узнать, кто из американцев прилетает в Яньань. Ибо в последние дни появились разговоры о прилёте в Яньань не американских корреспондентов, а каких-то наблюдателей. По мнению Владимирова, это уже был другой разворот событий.

– ...Ожидается прилёт и тех, и других, – на вопрос Владимирова ответил Бо Гу. И пояснил: – Президент США Рузвельт обратился к Чан Кайши с просьбой дать разрешение на пребывание американских наблюдателей на территории Особого района Китая. Вчера снова собиралось Политбюро и после долгих споров решили: не оказывать противодействия. Пусть прилетают... Чан Кайши уже ушла телеграмма о решении руководства Особого района способствовать их работе.

Это была ещё одна неожиданность для Владимирова.

– Можно полагать, что лёд тронулся? – спросил он.

Бо Гу отрицательно качнул головой.

– Вовсе нет... Я понял, о чём вы спросили. Здесь заложены совсем другие интересы. Что касается нормализации отношений Чан Кайши с Мао, ни тот, ни другой, мне кажется, не могут простить друг другу старые обиды. И у того, и у другого ещё живы в памяти истории с арестом Чан Кайши его же генералами в 1936 году. И, хотя Мао не раз заявлял, что он не имеет никакого отношения к аресту Чан Кайши, я в это не верю. Если бы тогда не вмешался Сталин, Чан Кайши уже давно бы не было на этом свете... И с казнью жены Мао Цзэдуна... Как видите, узелок противоречий между ними завязан не только из-за разных взглядов на будущее Китая, но и из личной неприязни друг к другу... Вот такие у нас дела, товарищ Сун Пин. – подытожил Бо Гу. – Что ещё вас интересует?

– Скажите, если вам известно, каким образом пятнадцатилетний сын Чан Кайши попал в 1925 году на учёбу в Москву? – спросил Владимиров.

Бо Гу слегка пожал плечами.

– Об этом у нас ничего не известно, – ответил он. Но тут же добавил: – Кое-кто из наших товарищей в это время жили в Москве, учились или работали. Так вот они склонны думать, что Цзян Цинго был... Ну как точнее сказать...

– Заложником... – подсказал Владимиров.

– Ну, что-то в этом роде, – согласился Бо Гу. – Известно, что в 1931 году он даже был принят Сталиным и имел с ним беседу... И вскоре после этого были вновь восстановлены дипломатические отношения между Москвой и Чунчином, прерванные по инициативе Чан Кайши. Что произошло тогда на самом деле, никто не знает. – И вдруг вернулся к первоначальной теме разговора: – Если американцы сумеют закрепиться у нас, а это вполне реально, Мао получит не только военную и экономическую помощь от них. Нельзя исключить и того, что Советскому Союзу на Дальнем Востоке будет создан военный и политический противовес в лице США и Китая. В Москве не могут этого не понимать.

– Я согласен с вами, – ответил Владимиров. – А можно задать ещё один вопрос?

Бо Гу кивнул головой!

– Задавайте...

– В городе появились подразделения траста пятьдесят девятой бригады. С чем это связано?

Бо Гу внимательно посмотрел на Владимирова и чуть заметно усмехнулся.

– А вы наблюдательный человек, товарищ Сун Пин. Её сняли с фронта для уничтожения посевов мака вдоль дорог, ведущих к городу. На днях на помощь прибудет ещё одна бригада... Мы же не можем допустить, чтобы американцы увидели маковые поля...

...Девятнадцатого апреля радио Чунцина сообщило о сдаче японцам города Чжанчжоу и больших потерях, понесённых со стороны правительственных войск. В этот же день в Яньани стало известно об успешных боях войск Четвёртого Украинского фронта на территории

Крыма, в ходе которых было освобождено более трёх сотен населённых пунктов, в том числе города Судак, Алушта и Симферополь.

Вернувшись вечером домой, Орлов рассказал, что к уничтожению маковых полей привлечены и подразделения сто двадцатой бригады, которая базируется на восточном берегу реки Хуанхэ.

– Значит, американцы и там будут, – выслушав его, сказал Владимиров.

– И ещё, Пётр Парфёнович, – продолжил Орлов, – сегодня был у меня Ван Мин. Правда, вместе с Розов Владимировной. В целом он поправился... Он сказал, что на днях в Сиань вылетает делегация КПК во главе с Линь Боцюем... На переговоры. Вот такие пироги.

– Так в Чунчин или Сиань? – уточнил Владимиров.

– В Сиань! – повторил Орлов. – Договорились начать переговоры в Сиане.

Владимиров улыбнулся.

– Это уже хорошая новость, – отметил он. – Значит, лёд всё же тронулся...

– В какой раз? – насмешливо заметил Орлов. – Не знаю, как ты, а я не верю в эти переговоры... Хотя, лучше такие переговоры, чем война...

4

Двадцатого апреля в первой половине дня приехала Цзян Цин. Её сопровождал на этот раз один охранник. Поздоровавшись с Владимировым, Цзян Цин бросила короткий взгляд на дверь радиоузла.

– Коля там? – спросила она.

– Да, – ответил Владимиров.

Цзян Цин сдержанно вздохнула.

– А я привезла вам книгу сказок Чжан Тянь-и, – совсем неожиданно сказала она, достала из сумки книгу и подала Владимирову. – Два дня тому назад я случайно нашла эту книгу на своей полке... Стала читать и зачиталась...

Говоря это, Цзян Цин почти вплотную подошла к Владимирову, обвила руками его шею и впиалась в его губы. Потом, словно опомнившись, отступила назад и торопливо стала повторять:

– Простите... простите... простите... я не хотела...

Владимиров с трудом взял себя в руки. Его сердце, казалось, готово было вырваться из груди от внезапного волнения, охватившее всё его существо.

– Бывает... – проговорил он глухим голосом. – Так на чём мы остановились?

Цзян Цин закрыла глаза, простояла так некоторое время, потом ответила:

– Я сказала, что зачиталась сказками Чжан Тянь-и... – улыбнулась виновато и продолжила: – Я помню, в тридцатые годы у нас появилось столько молодых поэтов, писателей и музыкантов, что без них трудно было бы представить современную китайскую литературу... Сейчас весь мир смотрит на нас, как на бедный, несчастный народ, но это не так... Я иногда спорю со своим мужем. Он не признает никого из молодых авторов, кроме Лу Сина. Но это полбеды. Беда в том, что почти все наши руководители даже и слышать не хотят о Не Эра, Чжан Тянь-и, Эми Сяо, Мао Дуне и других замечательных писателей и поэтов. По их мнению, в творчестве этих писателей и поэтов нет революционного духа... Какая глупость...

Цзян Цин умолкла и как-то сразу вся сникла. Владимиров не удержался и обнял ее за плечи.

– Вы удивительная женщина, – сказал он. – Красивая, умная... Вы знаете, что хотите в своей жизни. И вы мне очень симпатичны... И потому давайте останемся друзьями... У меня есть такое предчувствие, что мы с вами когда-нибудь встретимся в Москве...

На глазах Цзян Цин навернулись слёзы. Она по-детски, кулаками, вытерла их и улыбнулась.

– Я верю вам... – еле слышно проговорила она. – Вы тоже удивительный человек... Вы, наверное, думаете, что я появилась в Яньани и Мао пал к моим ногам?.. Ничего подобного... До меня сюда, и уже в мою бытность, приезжали десятки молоденьких актрис и певиц. И со всеми Мао переспал... Он не может без женщины прожить и трёх дней... Но для меня это было не столь важно... Я позволяла ему всё... Я делала вид, что не замечаю, как он на вечеринках уводил в свою комнату какую-нибудь смазливую девицу. Все они глупые и наивные... Секс влечёт к мужчине только сначала, затем женщине нужен не сам мужчина, а его положение или власть, которой он обладает. Я всё это приобрела, но потеряла любовь... Вы вправе меня осуждать, но если бы вы знали, через какие круги земного ада мне пришлось пройти, вы бы поняли меня...

Сказав это, Цзян Цин, не попрощавшись, повернулась и быстро вышла из дома. Оставшись один, Владимиров беспечно покрутил в руках книгу, привезённую Цзян Цин, затем прошёл к полке и поставил её рядом с привезёнными Цзян Цин книгами, которые он так и не успел прочитать...

...Вечером за ужином Владимиров рассказал Орлову о приезде Цзян Цин, но ни словом не обмолвился о том, что произошло. Тем более, что Орлов сразу заговорил о Мао Цзэдуне.

– ...По-моему, – сказал он, медленно допивая чай, – июньские события прошлого года заставили Мао понять, что военный конфликт с Гоминьданом для него смерти подобен.

Владимиров в ответ неопределённо пожал плечами.

– Не уверен... – ответил он. – Мог, конечно, каким-то образом повлиять, но я не думаю, что он был так напуган. Это одно, и другое – он был уверен – Москва не даст развернуться здесь крупномасштабному конфликту. Что и произошло. А вот их решение отправить в Сиан делегацию во главе с Линь Бицюем для переговоров на фоне подготовки к приезду американцев – это уже сильный ход.

...В ночь с двадцатого на двадцать первое число Риммар случайно попал на волну, на которой работала неизвестная ранее частная американская радиостанция. Ссылаясь на просочившиеся в прессу сведения, ведущий передачу, а вернее ведущая передачу, сообщила, что глава советского государства Сталин выразил в своем послании Рузвельту и Черчиллю удовлетворение состоявшимися в Москве переговорами глав военных миссий генералом Дина и генералом Бэрроузена с представителями Генштаба СССР о готовящейся на май операции по форсированию Ла-Манша войсками союзников. Прочитав в журнале эту запись, Владимиров насмешливо заметил.

– Надо полагать, теперь и в Берлине знают об этом!..

– А может это очередная «утка»? – предположил Риммар.

– Если и «утка», то дохлая, – ответил Владимиров.

Глава пятая

1

Переговоры в Сиане между делегациями Особого района и Гоминьдана начались четвёртого мая и продлились три дня. Они были прерваны делегацией Гоминьдана. Линь Боцюй с первого дня переговоров выдвинул жёсткие требования: признать официально все двенадцать дивизий четвёртой и восьмой армий КПК, как составляющую часть вооружённых сил Китая; полностью снять блокаду с Особого района; признать легальное положение КПК на всей территории Китая и освободить из тюрем арестованных коммунистов. Всё, что происходило дальше на переговорах, которые шли за закрытыми дверями, осталось неизвестным. Обо всём этом Владимиров узнал от Бо Гу. Начинали сбываться худшие предсказания Орлова...

...Седьмого числа японское агентство «Домэй Цусин» сообщило о гибели главкома военно-морского флота Японии адмирала Кога и назначении на пост главкома адмирала Тойода.

– Интересно... Где же его подкараулила смерть? – задумчиво проговорил Владимиров.

– Она ждёт нас за каждым углом... – ответил Орлов. – Хочешь новость? Сегодня на Политбюро назначили новым начальником политуправления частей и подразделений войск КПК Тань Чжена. Уроженца Хунани...

– Земляк Мао?

– Земляк. Был его секретарём, учился в Москве, в дружеских отношениях с Хэ Луном.

Владимиров слегка задумался. Всеми назначениями в армии занимался лично Мао Цзэдун. Политбюро только формально утверждало уже принятые Мао решения.

– Это что же получается, – заговорил Владимиров, медленно расхаживая по комнате, – Мао подбирает на высшие командные и политические должности приближённых к себе людей... Значит, рано или поздно, дойдёт очередь и до Чжу Дэ... Это уже хуже... – И, вдруг, признался: – Ты знаешь, Андрей Яковлевич, у меня, порой, опускаются руки... Сколько мы уже отправили донесений в Москву о том, что здесь происходит, и ни слова в ответ. Нужна им эта информация, не нужна!..

Владимиров хотел ещё что-то сказать, но в это время из радиоузла чуть ли не вылетел Риммар.

– Пётр Парфёнович!.. Андрей Яковлевич!.. Только что Совинформбюро передало: сегодня в десять часов начался штурм Севастополя!.. Я был в Севастополе до войны!..

Владимиров с Орловым невольно переглянулись и вдруг рассмеялись.

– Вы чего?.. – слегка растерялся Риммар.

– Ты у нас, как добрый вестник, Коля, – ответил Владимиров. – Я тоже был в Севастополе... Прекрасный город русской славы... Я думаю, немцы и ещё кто там, не долго теперь продержатся в Крыму...

...Двенадцатого мая Совинформбюро сообщило о полном освобождении от фашистов Крымского полуострова и ликвидации всей двухсоттысячной группировки войск неприятеля на его территории. По этому поводу Орлов предложил организовать праздничный ужин. На стол выставили всё, что было приготовлено Чаном.

– ...Без наркомовских ста грамм не обойтись, – сказал Орлов и выжидающе глянул на Владимирова.

– Всё ясно... – проговорил тот. – Коля, неси...

Риммар принёс пол-литровую бутылку разведённого спирта и разлил по стаканам.

– За победу! – сказал Владимиров.

– И за то, чтобы скорее вернуться домой, – добавил Риммар.

За ужином зашёл разговор о Севастополе.

– ...Немцы с румынами восемь месяцев пытались взять Севастополь, а наши выбили их из города за неделю! – заметил Риммар. – Пусть теперь кто-нибудь скажет, что русские не умеют воевать!..

– Уже не скажут, – ответил Орлов. – Сегодня ко мне приезжал Бо Гу. Подлечиться. Он сказал, что в США началась президентская избирательная кампания. Рузвельт на посту президента уже три срока. И пока не выдвинул свою кандидатуру на четвёртый срок. Зато выдвинул свою кандидатуру генерал Макартур и поклонник фашистской Германии некий господин Дьюи...

Владимиров воспринял эту новость равнодушно.

– Хрен редьки не слаще... – ответил он. И, заметив удивление на лице Орлова, пояснил: – Андрей Яковлевич, у них не президенты правят страной, а Морганы, Дюпоны, Рокфеллеры и им подобные!..

– Ну, Пётр Парфёнович, тебя ничем не удивишь, – насмешливо заметил Орлов. – Хорошо... Ты помнишь, было сообщение о прилёте в Чунцин вице-президента США?

– Помню, – ответил Владимиров.

– А знаешь, о чём там будут переговоры?

– Вот этого не знаю...

– О выделении Чан Кайши пятидесяти миллионов фунтов стерлингов и о предоставлении его правительству в бессрочную аренду военную технику ещё на пятьдесят миллионов фунтов стерлингов!..

И Орлов с победоносным видом глянул на Владимирова. Тот поднял руки.

– Молодцы! – сказал он.

– Кто молодцы? – не понял Орлов.

– Мы...

– А мы тут при чём? – удивился Орлов.

– При том, Андрей Яковлевич!.. Если мы и дальше будем смотреть на Особый район, как на придаток Центрального правительства, то и здесь со своими займами, кредитами и арендой на технику скоро появятся американцы с англичанами!.. – В сердцах заявил Владимиров.

...Уже поздно вечером радио Чунцина передало тревожную новость: двенадцатая и тринадцатая правительственные армии, попавшие в окружение, прекратили сопротивление.

В доме было душно, и Владимиров предложил Орлову выйти во двор и подышать свежим воздухом. Было время суток, когда со стороны гор в долину уже начали спускаться потоки прохладного воздуха, насыщенного запахами горных трав, густо поросших целыми полянами на их склонах и у подножья. Где-то невысоко в звёздном небе с беспокойным криком пролетела стая ночных птиц и снова наступила тишина.

– Ты знаешь, Пётр Парфёнович, о чём я сейчас подумал? – спросил Орлов. – Мы, как эти ночные птицы... И образ жизни наш чем-то похож на их...

Владимиров усмехнулся. Всё это не было похоже на того Орлова, которого он знал. «Значит, время делает своё дело...» – подумал он, а вслух сказал:

– Только с той разницей, Андрей Яковлевич, что эти ночные птицы летят куда хотят, а мы с тобой – куда прикажут...

Простояв на крыльце ещё с полчаса, они вернулись в дом. Орлов пошёл спать, а Владимиров направился в радиоузел.

– Что-нибудь новое есть? – спросил он у Риммара.

– Ничего, – ответил тот. – Радио Чунцина снова повторило сообщение об окружении их двух армий...

– Они сдались или как? – уточнил Владимиров.

– Выходит, что сдались...

– Плохо... – проговорил Владимиров. – Очень плохо... Я помню, как мой отец не раз повторял: не бей в чужие ворота плетью, не ударили бы в твои дубиной.

2

Первый воскресный день Владимиров решил посвятить себе и почитать хотя бы одну из книг, привезённых Цзян Цин. Владимиров уже снял с полки книгу стихов авторов Лу Цзя и Ця И, когда во дворе раздался сначала лай, а затем визг Машки. Владимиров вышел на крыльцо и увидел, как большой тощий пёс напал на Машку. Владимиров бросился в дом, схватил ружье и выбежал во двор. Следом за ним из дома вышел и Орлов. Увидев людей, пёс отпустил Машку и побежал к воротам. Владимиров выстрелил навскидку. Пёс, перевернувшись через голову, распластался на земле. Не прошло и двадцати минут, как к дому прискакал начальник охраны Мао Цзэдуна узнать, что случилось. Владимиров объяснил, почему он стрелял и указал на пса.

– ...Пёс, скорее всего, бешеный, – добавил он. – Его нельзя было оставлять...

Начальник охраны понимающе закивал головой, сел в седло и уехал. В это время к Владимирову подошёл Орлов. Он ходил посмотреть на убитого пса.

– Пётр Парфёнович, а как ты определил, что пёс бешеный? – спросил он.

– Никак, – ответил тот. – Сказал для большей убедительности... А что?

– А пёс действительно бешеный, – проговорил Орлов. – Я осмотрел его...

Владимиров с тревогой глянул на Орлова.

– Слушай... А что теперь с Машкой делать?

Орлов пожал плечами.

– Не знаю... В городе днём с огнём не найти ничего от бешенства животных... Может, у меня что-нибудь осталось из привезённого... Посмотрю... Была у меня одна вакцина...

На счастье Машки Орлов действительно нашёл три ампулы с нужной вакциной. Сделал ей один укол и сокрушённо сказал:

– Больше не могу... Выживет – значит ей повезло. Не выживет – сам понимаешь...

Прошла неделя и Машка выжила.

...Одиннадцатого мая радио американского агентства «Ассошиэйтед Пресс» сообщило о выступлении президента США Рузвельта в нижней палате, который заявил, что США будут и впредь оказывать экономическую и военно-техническую помощь Китаю в нужных объёмах. И в этот же день Владимиров встретился с Бо Гу. Тот рассказал ему, что возобновлены переговоры между делегациями КПК и Гоминьданом, но проходить они уже будут не в Сиани, а в Чунцине.

– ...Можно ещё на что-то надеяться? – машинально спросил Владимиров.

– Я даже не знаю, что вам ответить... – ответил Бо Гу. – Глава гоминдановской делегации Чжан Чжун и его заместитель Ван Шицзе отклонили все наши требования... Правда, они согласились на сохранение в Особом районе десяти, а не двенадцати наших дивизий. В свою очередь они потребовали убрать наши базы и партизанские отряды из районов, которые находятся за пределами Особого района. Как видите, ситуация не простая, но и не тупиковая. К тому же Чан Кайши сейчас оказался в весьма трудном положении. На днях японцы блокировали войска Центрального правительства и в районе города Лоян. Это провинция Хэнань. По тем сведениям, которыми мы располагаем, под Лояном убито и сдано в плен не менее четырёхсот тысяч китайских военных. Но самое страшное для Чан Кайши даже не в этом, а в том, что японцам здесь оказывает помощь местное население, доведённое до отчаяния налогами и другими поборами местных чиновников, и командованием воинских частей... – Бо Гу на какое-то время замолчал и Владимиров подумал, что он закончил говорить, но тот продолжил: – Не лучшим образом на состояние гоминдановских армий влияет, на мой взгляд, и то,

что Чан Кайши на должность начальника Генштаба назначил бывшего американского атташе в Чунцине генерала Стилуэлла. По нашим сведениям в Генштабе у Чан Кайши уже чуть ли не половина американских офицеров. Я сказал об этом к тому, что они навряд ли горят желанием увидеть и в правительстве Чан Кайши, и в Генштабе наших представителей. Что касается трагедии под Лояном, ответственность за всё ложится на Чан Кайши и на его американских генералов. И я не думаю, что случившееся под Лояном вызовет сочувствие у кого-либо...

Владимирова не удивил вывод, сделанный Бо Гу. Однако, он всё же заметил:

– Но там, по сути дела, китайцы помогают убивать китайцев!

В ответ Бо Гу усмехнулся:

– Мы сколько существуем на земле, столько и убиваем один другого... Да разве только мы одни? Всё человечество на этом построено. Только самые мудрые и самые глупые не поддаются обучению. А мы ни те, и не другие...

От Бо Гу Владимирова уезжал с чувством тревоги за поражение войск Центрального правительства на фронтах и за исход переговоров в Чунцине. Не успел он переступить порог дома, как появился Кан Шэн. В последнее время он нередко заезжал к ним и вёл себя как друг. И на этот раз, вскинув вверх белёсые брови и, широко улыбаясь, Кан Шэн произнёс.

– Я рад приветствовать вас, товарищ Сун Пин! Вот, удалось выкроить время, чтобы заехать к вам... Как вы поживаете?

– Хорошо, товарищ Кан Шэн, – ответил Владимирова. – Проходите и присаживайтесь. Чаем вас угостить?

Кан Шэн поднял обе руки.

– Спасибо... не надо... – оглядел комнату, как будто в ней что-то изменилось за время после его последнего приезда, и продолжил. – Вы уже, наверное, знаете о предстоящем прилёте в Чунцин вице-президента США Генри Уоллеса?

И Кан Шэн выжидающе посмотрел на Владимирова. Первая мысль, которая пришла в голову Владимирова – сказать, что не знает, однако он тут же раздумал. Кан Шэн просто бы ему не поверил.

– Знаю, – ответил он.

– Я и не сомневался, – усмехнувшись, проговорил Кан Шэн и продолжил: – Вы у нас самый осведомлённый человек. Вам бы в разведке служить, а не быть военным корреспондентом... Но это ваше дело. Я вот о чём хотел вам сказать... Вернее, предупредить. Визит Уоллеса в Чунцин – это не предвыборная кампания Рузвельта... Хотя, кое-кто из нашего руководства и думает так. Его визит – это ещё одно доказательство того, что США очень заинтересованы в расширении своего влияния в Китае. Я полагаю, вы со мной согласны?

– Конечно, – ответил Владимирова, пытаясь угадать, что всё же привело к ним Кан Шэна.

– Ну, вот видите... Вы со мной согласны. – И Кан Шэн снова широко улыбнулся. – Дело в том, что я располагаю записью выступления Уоллеса в Конгрессе США относительно Китая. Он сказал, что военное и экономическое положение Китая близко к катастрофе, однако это не должно вызывать у конгрессменов разочарование в политике правительства США, которое намерено и дальше помогать Китаю в освободительной войне против японских захватчиков. А в дальнейшем использовать Китай как огромный рынок сбыта и вывоза сырья! – Кан Шэн умолк и вдруг спросил: – Я вас не утомил, товарищ Сун Пин? А то вид у вас какой-то усталый...

– У меня дизентерия, – не зная зачем, соврал Владимирова.

На лице Кан Шэна появилось неподдельное удивление.

– А куда же смотрит ваш доктор Орлов? Он перелечил чуть ли не весь Яньань, а товарищей своих не лечит... Это как же понимать?

И в голосе Кан Шэна прозвучала ирония.

– На своих товарищей у него не хватает времени, – ответил Владимирова. И тут же спросил: – А об этой записи кто ещё знает?

В глазах Кан Шэна зажглись азартные искорки. Его расчёт оправдался: Владимиров заинтересовался его сообщением.

– Я и вы... Ну и ещё тот, кто предоставил мне эту информацию, – довольно ответил Кан Шэн.

– Вы можете мне предоставить эту запись?

– Конечно... Она у меня с собой...

С этими словами Кан Шэн достал из нагрудного кармана куртки несколько листов бумаги, сложенных вчетверо и положил их на стол перед собой.

– Что вы хотите от меня взамен? – решил Владимиров не играть в кошки-мышки с Кан Шэном.

– Ни-че-го! – по слогам ответил тот. – Мы же с вами друзья, не так ли? И должны помогать друг другу. Вот, возьмите. – И он подал Владимирову текст выступления Уоллеса в Конгрессе. – Пользуйтесь моей добротой, товарищ Сун Пин. – Сказал он и встал с места. – Мне пора... Да! Единственная просьба: не надо никому говорить, что этот текст передал вам я...

3

Двадцатого мая Бо Гу передал Владимирову сводку международных событий, которую он готовил для Мао Цзэдуна один раз в неделю. Уже дома Владимиров внимательно прочитал сводку. Его заинтересовало выступление Черчилля в палате общин, где тот заявил, что с Турцией ведутся переговоры о её выходе из тройственного союза и вступление в войну против Германии. Что касается самой Германии, Черчилль высказал мысль о необходимости после войны провести её территориальное изменение с целью в будущем обеспечить надёжный мир в Европе. Заинтересовала Владимирова информация и о положении дел на японско-китайских фронтах. Если судить по сводке, японцы продолжали наступать вдоль железной и шоссейных дорог на Кантон-Ханьконтском направлении. Бо Гу приводил и высказывание американского генерала Маршала, который заявил, что японское наступление на всех фронтах явилось неожиданным и самым мощным за всё время войны с Японией.

...В этот же день Риммар поймал волну, на которой работала радиостанция Центрального правительства Китая. Диктор сообщил, что после ожесточённых боев с японскими оккупантами гоминдановские войска оставили город Лоян. И что прилёт в Чунцин вице-президента США Генри Уоллеса переносится на неопределённый срок в связи с тем, что Уоллес, в силу неотложных обстоятельств, вылетает в Москву, а затем уже в Чунцин. «Так вот почему приезжал Кан Шэн!.. – догадался Владимиров. – Он уже знал о визите Уоллеса в Москву!..»

...Новость о том, что Уоллес сначала летит в Москву, а затем в Чунцин и вследствие этого его визит в Чунцин переносится на неопределённый срок – вызвал в Яньани тихое замешательство. Бо Гу, при очередной встрече с Владимировым, сказал:

– ...Наше руководство в недоумении. А Кан Шэн даже высказал мысль, что перенос визита Уоллеса в Чунцин на неопределённый срок может означать, что он вообще не прилетит в Чунцин. И, видимо, придётся строить свои отношения с Гоминьданом. На каких-то условиях.

Вернувшись домой, Владимиров ещё долго размышлял над тем, как может повлиять визит Уоллеса в Чунцин на дальнейшие отношения между Чунцином и Яньанем и чем будут здесь заниматься американские наблюдатели...

Вечером он поделился своими мыслями с Орловым. Тот, как всегда, молча выслушал его и сказал:

– Американцы всё делают правильно. Не то, что мы... Да, война!.. Да, все силы брошены на борьбу с Гитлером, но и здесь нельзя пускать дела на самотёк!..

– Ну, наши тоже в Чунцине... – вяло возразил Владимиров.

Орлов махнул рукой.

– Наших там не видно и не слышно, а американцы уже сидят во всех гоминдановских штабах! И, я думаю, и в правительстве!.. По крайней мере, без их ведома в Чунцине ничего не делается!.. Ладно... Поживём – увидим... Давай лучше твоим здоровьем займёмся...

– Дизентерией что ли? – Владимиров рассмеялся. – Это когда же тебе Кан Шэн успел рассказать?

– Сегодня... – слегка растерянно ответил Орлов. Потом всё понял и покачал головой. – Ну, ты и даёшь, Пётр Парфёнович!..

В это время из радиоузла вышел Риммар и молча положил перед Владимировым на стол журнал учёта записей.

– Ну, раз Коля молча подаёт журнал, значит, какую-то неприятную новость принёс, – чуть насмешливо проговорил Владимиров.

– А вы прочитайте...

Владимиров пробежал глазами короткую запись в журнале и хмыкнул. Затем вернул журнал Риммару.

– Что там? – спросил Орлов.

– Агентство «Ассошиэйтед Пресс» сообщает, что в американских средствах массовой информации идёт обсуждение работы Мао Цзэдуна «О новой демократии», в которой Мао пишет, цитирую: «...За жизненно важную помощь США Китаю чтобы выиграть войну с Японией, китайцы не против осуществить демократию и создать в стране буржуазно-демократическую экономику».

Орлов недоверчиво посмотрел на Владимирова, перевёл взгляд на Риммара, затем снова глянул на Владимирова.

– Это что... Серьёзно? – спросил он. – Экономика может быть буржуазно-демократической?.. А как же теория Маркса о капитале?..

– Как видишь... – насмешливо ответил Владимиров. – А, впрочем, всё идёт к одному – подготовка почвы для приезда американцев в Яньань. Другого объяснения у меня нет.

...Двадцать пятого мая всё то же агентство «Ассошиэйтед Пресс» сообщило: президент США Рузвельт в интервью газетам «Вашингтон пост» и «Нью-Йорк таймс» сказал, что принял решение наградить грамотами советские города Сталинград и Ленинград, как символы силы духа и стойкости, давшие пример целым народам сопротивления и героизма в борьбе с врагом. По поводу решения Рузвельта Риммар заметил:

– Наконец-то и на нашу улицу пришёл праздник!..

На что Владимиров возразил.

– Нет, Коля! Праздник придёт, когда по Берлину пройдут наши танки!.. А на площади перед Рейхстагом будут красоваться на виселицах все фашистские главаря!.. Вот это будет праздник!..

4

Первого июня по городу поползли слухи о, якобы, массовой бомбардировке японской авиацией Чунцина. И о больших жертвах среди местного населения. Владимиров сразу поехал к Кан Шэну, чтобы узнать, насколько это верно. Кан Шэна он застал мрачнее тучи. На вопрос Владимирова, правда это или нет, ответил:

– Бомбили... Кроме Чунцина подверглись налёту японской авиации Чэнду, Чанжа и Ханьян... Следующим будет Яньань...

Он хотел ещё что-то сказать, но в это время в дверь раздался торопливый стук и в кабинет вошёл начальник Особого отдела Пэн Чжэнь. Увидев в кабинете Владимирова Пэн Чжэнь заметно смутился, однако Кан Шэн вяло махнул рукой.

– Говори... От товарища Сун Пина у меня нет секретов.

И всё же Пэн Чжэнь подошёл к Кан Шэну, наклонился и что-то шепнул ему на ухо. Тот хмыкнул и раздражённо проговорил:

– А мы с тобой при чём?.. Пусть он сам и разбирается с ней!.. Иди...

Когда за Пэн Чжэнем закрылась дверь, Кан Шэн усмехнулся и проговорил:

– Цзян Цин решила прибрать к своим рукам и всю секретную переписку своего мужа!.. До этого она вела только его обычную переписку!.. Ну зачем это ей?.. Вы знаете, как её называли за глаза в Шанхае? – вдруг спросил он. – Бай Гудзин!

– Демон белой кости? – уточнил Владимиров.

– Совершенно верно!.. Ох!.. Чувствую я, мы с ней ещё наберёмся хлопот... – снова усмехнулся и продолжил: – В Шанхае мне однажды пришлось вытаскивать её из дерьма... – Кан Шэн, видимо, тут же понял, что сказал лишнее, потому, как сразу сменил тему разговора. – Вам доктор Орлов не говорил о вспышке оспы у нас в городе?

– Нет, – ответил Владимиров.

– В городской больнице уже десятка три больных... И все с одной ткацкой фабрики... Я уверен – это диверсия...

...Шестого числа сначала Совинформбюро, а затем радиостанции британского агентства «Рейтер» и американского «Ассошиэйтед Пресс» сообщили о начале высадки десанта союзников на северное побережье Франции. И уже утром седьмого июня агентство «Рейтер» передало первую сводку с места события. Если судить по ней, англо-американские войска в первые сутки успешно преодолели минные заграждения и, несмотря на ураганный огонь береговых батарей немцев, заняли плацдарм для дальнейшей высадки своих войск и тяжёлой техники.

...Восьмого числа пришло сообщение Совинформбюро об ожесточённых боях с неприятелем в районе Ясс. Здесь, по сообщению Совинформбюро, советские войска за последние трое суток уничтожили более трёхсот немецких танков, четыреста пятьдесят самолётов и свыше пятнадцати тысяч гитлеровских солдат и офицеров. В полдень Риммар поймал волну, на которой работала правительственная радиостанция Чунцина. Диктор сообщил о тяжёлом положении, в котором оказались гоминдановские войска в районе города Хунань и о том, что связь с командующим войсками генералом Сюэ прервалась три дня тому назад. Владимиров сразу поехал к Бо Гу. Он оставался единственным источником, от которого можно было узнать правду. Тот подтвердил: действительно это так.

– ...По сути дела, – продолжал Бо Гу, – прекратила боевые действия ещё одна гоминдановская армия... У меня складывается впечатление, а Чжу Дэ его разделяет, что, фактически подменив Чан Кайши в руководстве военными действиями, американские генералы не справляются со своими обязанностями, или умышленно уничтожают китайскую армию. – Неожиданно сделал заключение он. Взял со стола несколько радиogramм и подал их Владимирову. – Вот посмотрите. Последние сведения из Чунцина. Целые подразделения гоминдановских войск не просто сдаются, а переходят на сторону японцев!.. Такого ещё не было... Японцы на сегодняшний день владеют всей транскитайской железной дорогой!.. Сдаётся мне, что скоро Чан Кайши со своими американскими генералами будет не в силах сопротивляться им... Поверьте мне, я этого не хочу! – И многие в Яньани не хотят этого, но, мне кажется, что Китай сегодня стоит на грани страшной катастрофы... Народ отвернулся от власти.... Семь лет войны, лишений, смертей и страха... Наш народ трудолюбивый, выносливый и очень терпеливый, но всему когда-то приходит конец... Мне даже страшно думать, не только говорить о том, что нас ждёт в будущем...

Бо Гу говорил тихо, но с таким надрывом в голосе, что Владимирову в какой-то миг стало не по себе. Вернувшись домой, он ещё долго находился под гнетущим впечатлением от состоявшегося с Бо Гу разговора. Бо Гу был прав, когда говорил о китайском народе. Владимиров сам видел: простые люди были готовы вытерпеть всё ради счастливого будущего своей древней

страны. Однако Бо Гу был прав и в том, когда сказал, что любому терпению приходит когда-то конец...

...Уже поздно вечером приехал Орлов. Сел за стол и сказал:

– Что бы ни говорили, но все хорошие новости приношу вам я. Завтра суббота и нас приглашают в Ваньцзялин на вечеринку.

– В Ваньцзялин это куда? – уточнил Владимиров.

– К товарищу Мао!.. Цзян Цин была у меня. Она и передала приглашение от Мао, – пояснил Орлов. – Сегодня все больницы объехал, проверил готовность к эпидемии оспы. А на подходе тиф... Есть уже первые заболевания...

Пока они говорили, Чан принёс Орлову ужин: рисовую кашу с куриной грудкой и зеленью. Орлов скептическим взглядом окинул куриную грудку и, обращаясь к Чану, сказал:

– Что-то она у тебя совсем тощая... Кожа да кости...

Чан в ответ пожал плечами.

– И такую стало не просто доставать... – слегка обидевшись, ответил он.

Уже после ужина Орлов вдруг вспомнил.

– Да! Чуть не забыл! В госпитале говорят, что новым командующим японскими войсками в Китае назначен генерал Хата. До этого он командовал Центральным фронтом. Я навёл справки на этого Хата. Оказывается, он воевал ещё в русско-японской войне! Ты представляешь?

– С трудом, – усмехнувшись, ответил Владимиров.

– Так вот, – продолжил Орлов, – в Гражданскую войну он командовал бригадой на нашем Дальнем Востоке. Его головорезы убивали и грабили всех без разбора. И кто был за белых, и кто был за красных. В общем, отпетый негодяй!.. – Орлов встал, подошёл к книжной полке, снял с неё одну из книг, привезённых Цзян Цин, и, не оборачиваясь к Владимирову, сказал: – Вижу, не читаешь... А напрасно. Она влюблена в тебя и, пытается таким образом, привлечь к себе твоё внимание... С благими намерениями. – Добавил он.

В последних словах Орлова прозвучала скрытая ирония и потому Владимиров не стерпел.

– Чтобы сделать из меня второго Мао?.. Не гожусь я на эту роль, Андрей Яковлевич...

...На вечеринку Владимиров не поехал, сославшись на плохое самочувствие. Орлов всё понял и сказал:

– Ладно... Придётся мне там отдуваться за двоих...

И уехал.

Владимиров сел за стол, чтобы подготовить очередное донесение в Центр за прошедшие две недели, но в это время из радиоузла появился Риммар.

– Пётр Парфёнович, шифровка от «Кедра»! – сообщил он и подал Владимирову текст шифровки.

В ней сообщалось, что император Японии Хирохито восьмого числа утвердил состав командующих японскими фронтами в Китае. Главкомом утверждён генерал Хата, он же оставался и командующим войсками Центрального фронта в составе одиннадцатой и тринадцатой армий со штабом в Нанкине. Командующим войсками Монгольского фронта утверждён генерал Кацуоки со штабом в Калгане. Командующим Северным фронтом в составе первой и двенадцатой армий утверждён генерал Окамура со штабом в Пекине. Командующим Южного фронта в составе двадцать третьей армии утверждён генерал Танака со штабом в Гуаньчжоу.

Прочитав текст, Владимиров попросил Риммара отправить эти сведения в Москву. Затем добавил:

– Засуетились они неспроста...

...Орлов вернулся домой, когда уже было за полночь. Увидев, что Владимиров не спит, не удержался и съезвил.

– Переживаешь, что не поехал на вечеринку? Рассказать, что там было?..

– Расскажи, – односложно ответил Владимир.

Орлов прошёл к стулу, и, что называется, рухнул на него.

– Начну с того, что твоё отсутствие по состоянию здоровья Мао обеспокоило, а Кан Шэн даже посоветовал мне госпитализировать тебя...

– Чтобы залечить? – усмехнулся Владимир. – Не выйдет у вас ничего!

– Я тоже так подумал, а им сказал, что твоему здоровью ничего страшного не угрожает...

Хотя, если говорить откровенно, я в этом сомневаюсь... – уже серьёзно добавил Орлов.

Владимир жестом руки остановил Орлова.

– Ладно, Андрей Яковлевич... Не обо мне речь...

– Ну, слушай тогда дальше, – продолжил тот. – Во-первых, откуда-то на вечеринке появились довольно красивые девицы... По-моему, они из театра. Мао только один танец станцевал с Цзян Цин, остальные...

– С девицами, – продолжил Владимир.

– Совершенно верно, – усмехнулся Орлов. – Но интересное другое: Цзян Цин сама подвела к Мао партнёрш... О том, что ели и пили, рассказывать не буду... А-а-а! И ещё! Перед входом в пещеру Мао соорудили деревянный навес, чтобы в дневное время жара не проникала в его обитель. Теперь всё... – Орлов снова усмехнулся и добавил: – А тебя там ждали... Я это видел по её глазам...

Потом молча достал из кармана брюк вчетверо сложенный лист бумаги и подал её Владимиру.

– Что это? – машинально спросил тот.

– А ты почитай...

Владимир развернул лист и стал читать про себя. Это было обращение Мао Цзэдуна к Чан Кайши, чтобы вместе выступить с призывом ко всем национально-патриотическим силам Китая с целью для борьбы с японскими захватчиками.

– Это для публикации? – уточнил Владимир.

– Для информации, – ответил Орлов. – Завтра это заявление будет опубликовано в газете «Цзефан Жибао».

Владимир удивлённо покачал головой.

– Не ожидал я от него такого решительного шага!.. – произнёс он.

– Никто не ожидал, – сказал Орлов. – Даже Цзян Цин. Поэтому она и просила передать тебе эту копию заявления на тот случай, если вдруг к утру Мао передумает...

5

Двенадцатого июня сначала на заседании Политбюро рассмотрело и одобрило обращение Мао Цзэдуна к Чан Кайши, затем во всех газетах обращение было опубликовано.

– Ну, что, Пётр Парфёнович, теперь надо надеяться, что лед по -настоящему тронулся, – сказал Орлов.

– Не думаю... – неожиданно ответил тот.

Орлов с удивлением глянул на Владимира.

– Но это же серьёзный документ!.. На весь белый свет заявлено!..

– По этому поводу один китайский мудрец, ещё за полвека до нашей с тобой эры, сказал: «Три пути ведут к познанию: путь размышления – самый благородный путь, путь подражания – самый лёгкий, и, путь опыта – самый горький». По-моему, руководство Особого района нашло четвёртый путь...

– И какой же этот путь? – не без иронии в голосе спросил Орлов, уже догадываясь, что Владимир только что процитировал Конфуция.

– Путь публичных обращений, от которых можно отказаться в любой момент, – ответил Владимир. – Время покажет...

Орлов не стал возражать. В конце концов, Владимир был прав: время лучший судья всем и всему...

...Пятнадцатого числа сразу несколько американских радиостанций сообщили о массированном налёте своих тяжёлых бомбардировщиков В-29 с китайских аэродромов, расположенных в провинции Чэндэ, на японские сталелитейные заводы. Бомбардировка японских заводов с территории Китая вызвала в Японии волну антикитайских выступлений по всей стране. И уже на следующий день японские войска повели наступление на юньканском направлении и восемнадцатого июня захватили город Лунлин. А ещё через день части одиннадцатой японской армии взяли город Чанша в провинции Хунань.

Девятнадцатого числа Владимир снова отправился к Бо Гу. Сведений о том, что происходило на японско-китайских фронтах, было недостаточно для отправления в Москву очередного донесения.

– Действительно, это так, – подтвердил Бо Гу. – Наступление на всех фронтах стало ответом на бомбардировки американскими самолётами, взлетающих с китайских аэродромов, японских островов. Больше я не располагаю никакими сведениями. Известно, только что десяти числа правительственным войскам всё же удалось окружить японский гарнизон в Лунлине. Однако, уже восемнадцатого июня японцы силами пятидесяти шестой дивизии из состава тридцать третьей армии вынудили войска Чан Кайши отступить от Лунлина. Вот и всё, что я знаю, – закончил говорить Бо Гу и с сожалением развёл руками.

– А что известно о переговорах в Чунцине? – поинтересовался Владимир.

Бо Гу пожал плечами.

– День идут, два не – идут... – ответил он. – Лично я не возлагаю каких-либо надежд на эти переговоры...

– Вы полагаете, эти переговоры были задуманы только ради переговоров? – уточнил Владимир.

Бо Гу с сожалением кивнул головой.

– Вы правы, – ответил он. – Этого не видит разве что слепой...

...Девятнадцатого июня Совинформбюро сообщило об успешном наступлении советских войск на Карельском перешейке. Однако, под врагом оставалась ещё вся Белоруссия.

...На следующий день в Яньани стало известно о прилёте в Чунцин вице-президента США Уоллеса. Радио Чунцина сообщило, что переговоры Уоллеса с Чан Кайши начались в этот же день за закрытыми дверями. А, уже через два дня Бо Гу сообщил Владимиру, что Уоллес в первый же день переговоров передал Чан Кайши согласие президента США Рузвельта быть посредником в переговорах между Гоминьданом и КПК, но, Чан Кайши отказался от предложения Рузвельта, ссылаясь на то, что не желает обременять президента США лишними для него заботами. Особенно в такое время.

Двадцать второго июня Владимир был приглашён к Мао Цзэдуну.

– ...Я многое за последние дни передумал, – начал говорить Мао, расхаживая перед Владимиром. – Мы не против налаживания отношений с Гоминьданом. Мы готовы даже поддерживать Чан Кайши. Но нам кажется, он не готов к сотрудничеству с нами... – На этот раз Мао говорил не от себя лично, он всё время употреблял слово «мы». И это Владимир отметил для себя сразу. А Мао продолжал говорить, медленно расхаживая по комнате из угла в угол: – Я утверждаю так потому, что он отказался от предложения президента США Рузвельта быть посредником в переговорах между нами... А это говорит о многом, – Мао усмехнулся и скептически добавил: – Чан Кайши возомнил, наверное, что он держит бога за бороду. И вдруг спросил: – Скажите, товарищ Сун Пин, как бы вы поступили на моём месте? – И, не дожидая-

ясь ответа, продолжил: – Если Чан Кайши отказывается от помощи американцев, почему мы не должны воспользоваться их помощью?

– Действительно, почему? – поддержал Владимирова Мао Цзедун.

– Ну, вот видите! – воскликнул тот. На лице Мао появилась довольная улыбка. – Вы согласны со мной! Если ваш союз по антигитлеровской коалиции приносит свои плоды, а это уже очевидно, почему и мы не вправе заключить хотя бы с теми американцами антияпонский союз?

Мао Цзедун сделал ударение на последние слова. Подошёл к столу, взял пачку сигарет и закурил. Владимирова был уверен: эту мысль Мао высказал не случайно. Потому как, сделав глубокую затяжку и выдохнув в потолок дым, он продолжил:

– На данном этапе нашего развития это был бы правильный путь. Великий Конфуций дал ему определение, как «дао». По его мнению, «дао» создаётся небом и человеком. И наша задача, – подчеркнул Мао, – пройти с наибольшей пользой этот путь. Я ясно выразился, товарищ Сун Пин? – спросил Мао и внимательно посмотрел на Владимирова.

– Более чем, товарищ председатель, – ответил тот.

– Вот и прекрасно!.. Да! Совсем забыл! Супруга просила передать вам, чтобы вы подождали её. Она хочет с вами поговорить, – Мао бросил взгляд на настенные часы. – Она будет с минуты на минуту...

И действительно, не прошло и двух минут, как появилась Цзян Цин. На ней был шёлковый сарафан, но совсем не китайский: с коротким рукавом, большим вырезом на груди, и едва прикрывал колени. Мао глянул на неё и поморщился, но ничего не сказал. Цзян Цин подошла к Владиминову и, обворожительно улыбаясь, произнесла:

– Я ждала вас... Я вот о чём хотела с вами поговорить... – начала она, однако Мао перебил её.

– Ко мне сейчас должен приехать Лю Шаоци. Вы пройдите под навес. Мы не будем мешать вам, а вы нам. – И Мао подал Владиминову руку. – До свидания, товарищ Сун Пин...

В это время в дверях появился начальник охраны Мао и доложил о приезде Лю Шаоци.

– Пусть войдёт, – сказал Мао Цзедун и почему-то снова бросил взгляд на часы.

Лю Шаоци вошёл, поздоровался со всеми, затем обратился к Владиминову по-русски:

– Я очень рад вас видеть, товарищ Сун Пин. Позвольте мне поздравить вас с героическими победами вашей Красной Армии. Мы все гордимся этими успехами! Поверьте мне – для нас это тоже очень важно.

– Спасибо, – ответил Владимирова. – Я тоже рад вас видеть, – по-русски ответил ему Владимирова.

Он случайно посмотрел на Мао и увидел на его лице недовольство. «Наверное, обиделся на Лю Шаоци за то, что он обратился ко мне по-русски», – подумал Владимирова, вспомнив, что Мао не знает русского языка.

Когда они вышли наружу, Цзян Цин тихо сказала, указав глазами на охранников у входа.

– Давайте пройдем дальше... – И только после того, как они отошли на пару десятков шагов, продолжила: – Я не знаю, как вы ко мне относитесь... Возможно, вам и наговорили обо мне что-то нехорошее, но поверьте, в моей жизни мало что происходило по моей воле... – Цзян Цин на какое-то мгновение умолкла, словно не могла решить, говорить дальше с Владимировым о себе или не говорить. И всё же продолжила: – Я была замужем... В 1939 году вступила в КПК, но весной этого же года моего мужа арестовали гоминдановские власти и мне пришлось скрываться. Я приехала в Шанхай... В Яньани чего только не говорили о моей жизни в Шанхае... Одна из жён уважаемого здесь человека, до настоящего времени всем рассказывает, что я скрываю своё прошлое, потому что выдаю себя не за того человека, которым являюсь на самом деле... Просто они все не хотели, чтобы Мао женился на мне. А я очень хотела...

Цзян Цин снова замолчала. Владимиров видел, каких усилий стоило ей вспоминать о своём прошлом. Воспользовавшись паузой, Владимиров спросил:

– А почему вы решили именно со мной говорить об этом?

Где-то подсознательно у него в голове ещё крутилась мысль о том, что даже если Цзян Цин и играла свою роль – делает она это блестяще... На лице Цзян Цин на какое-то мгновение появилась растерянность, но она тут же взяла себя в руки.

– Наверное, потому, что я вам доверяю больше, чем кому-либо... – ответила она. – И ещё, наверное, потому что тяжело носить в душе незаслуженные обиды...

Владимиров кивнул головой.

– Я вас понимаю и сочувствую, – проговорил он.

А Цзян Цин продолжила:

– В 1934 году арестовали и меня, но через три месяца выпустили. Просто разобрались, наверное, в том, что я ни в чём не виновата... Зато в Яньани чуть ли не на каждом углу одни говорили, что я предала кого-то, а другие утверждали, что меня завербовала гоминдановская служба безопасности...

– Но кто-то же вам помог, – невольно вырвалось у Владимира.

Цзян Цин грустно усмехнулась.

– Помог... – призналась она. – Кан Шэн... У него тогда были друзья в Гоминьдане...

– В Яньань вы тоже с ним приехали?

Цзян Цин зябко передёрнула плечами, хотя на улице было тепло.

– Вместе... – ответила она каким-то отрешённым голосом.

Владимиров, вдруг, почувствовал к Цзян Цин жалость. Обыкновенную человеческую жалость, на которую имеет право любой. Прошло, наверное, не меньше минуты, прежде чем Цзян Цин заговорила снова на удивление беспечным голосом.

– Вы посмотрите, с каким любопытством охранники наблюдают за нами!..

– Им за это платят деньги, – ответил Владимиров.

– Ещё и какие!.. – Цзян Цин с трудом сдержала тяжкий вздох. – Ну, всё... Я рада, что вы меня выслушали... Вы мои книжки читаете?

– Понемногу...

– И то хорошо... – Цзян Цин слегка дотронулась до локтя Владимира. – Идите... – тихо проговорила она. – А я ещё постою немного...

Глава шестая

1

Последняя неделя уходящего июня оказалась переполнена событиями. Двадцать пятого числа правительственное радио Чунцина сообщило о тяжёлых боях с передовыми отрядами одиннадцатой японской армии, которые стремились, во что бы то ни стало, прорваться к важному стратегическому железнодорожному узлу города Хэньян. В этот же день Владимиров поехал к Бо Гу.

– Хотите услышать новости? – спросил тот, как только Владимиров переступил порог его скромного кабинета.

– Я к вам как раз за новостями и приехал, – ответил Владимиров. – Вы ну нас единственный источник новостей, – добавил он, желая сделать Бо Гу что-нибудь приятное.

Тот добродушно улыбнулся. Поправил на носу очки в круглой оправе и пригласил Владимирова присесть. Бо Гу в мае исполнилось тридцать семь лет, но он выглядел значительно моложе свих лет, наверное, за счет подвижности, не высокого роста и спортивного телосложения.

– ...Вы мне напоминаете самые хорошие годы моего пребывания в Москве, – продолжил он. – В Москве мы и подружились с Ван Мином. Я приехал в Москву в двадцать шестом году, он на год раньше. Мы все тогда горели желанием перенять ваш опыт в строительстве нового Китая. – Бо Гу на мгновение умолк и сдержанно вздохнул. – А потом всё пошло как-то не так... Теперь о новостях. На завтра намечен отлёт из Чунцина вице-президента США Уоллеса...

– Это же сколько дней он пробыл в Чунцине? – спросил Владимиров.

– Шесть, – ответил Бо Гу.

– Многовато для такой личности...

– Многовато, – согласился Бо Гу. – И все шесть дней велись переговоры с гоминдановским руководством за закрытыми дверями... Увы! Но нам пока ничего не известно о чём он говорил с Чан Кайши и его чиновниками. Есть ещё одна довольно любопытная информация. – Бо Гу взял с края стола объёмную папку и положил перед собой. – Этот материал мне привёз Окато. Вы, наверное, слышали о нем...

– Да, – ответил Владимиров.

– К Окато этот материал попал от одного японского пленного офицера. Правда, всё, что есть в этой папке, не для слабонервных, – предупредил Бо Гу. – Смотреть будете? К сожалению, я не могу отдать вам эту папку... Посмотрите здесь... – И подал папку Владимирову.

В ней были фотографии. Много фотографий. Владимиров начал их смотреть и у него даже перехватило дыхание. Это были снимки жутких зверств японских солдат над пленными и просто гражданскими людьми. На многих фотографиях люди были донага раздеты и распятые на стенах домов со вспоротыми животами...

Заметив, как побледнел Владимиров, Бо Гу пояснил:

– У японских военных вспарывать животы своим врагам считается делом чести. Скажу вам больше: они вырезают печень своих жертв и съедают её. Это для них тоже символ доблести и храбрости...

– Но это же дикое средневековье! – произнёс, поражённый до глубины души увиденным на фотографиях, Владимиров. – Они что, звери?

– Хуже зверей, – ответил Бо Гу. – Посмотрите дальше.

А дальше на фотографиях были запечатлены не менее отвратительные сцены насилия и массовых убийств. На одной фотографии была заснята жуткая картина массового убийства крестьян. Их согнали в одну толпу и кололи штыками, на другой несколько молодых женщин

стояли с поднятыми платями без нижнего белья и перед ними на корточках позировали японские солдаты. Ещё было несколько фотографий, запечатлевшие отсечение голов у обнажённых людей. Поэтому понять, кто они: военные или крестьяне – было невозможно. Поразило Владимира и другое: лица палачей и истязателей были совершенно спокойные и даже, казалось, сонные... Он вернул папку Бо Гу не в силах что-нибудь произнести.

– Это и есть нацизм, – сказал Бо Гу. – Другими словами не назовёшь. Но самое страшное в том, что он способен возрождаться даже после того, как его уничтожат. Даже через столетия... Потому, что он живёт в нас самих...

...В этот же день Совинформбюро сообщило о боях за освобождение Белоруссии, начатых двадцать третьего числа. По сведениям Совинформбюро на двадцать пятое июня наибольшего успеха достигли войска Первого Прибалтийского и Третьего Белорусского фронтов на Витебском и Богушевском направлениях. Здесь было уничтожено около четырёхсот немецких танков и самоходных орудий и свыше пятидесяти тысяч солдат и офицеров противника. Взяты в плен десятки тысяч гитлеровцев и большие трофеи. Освобождены города Витебск, Петрозаводск и Бобруйск.

Вечером за ужином Владимиров поделился дневными новостями с Орловым.

– ...Если дело и так дальше пойдёт, – сказал он, – Гитлеру скоро придёт конец...

– И американской демократии, – добавил Орлов. И пояснил: – В сегодняшнем номере «Цзефан Жибао» появилось сообщение об официальном выдвижении от Республиканской партии кандидатом в президенты США откровенного нациста некоего Дьюина...

– Ты думаешь, за него проголосуют? – спросил Владимиров.

– Там деньги решают всё, – ответил Орлов.

– А как же их демократия? – не унимался Владимиров.

Орлов усмехнулся.

– Пётр Парфёнович, ты знаешь, демократия – это не только наличие законов, которые определяют права и обязанности граждан любой страны, как говорил один мой знакомый профессор, но и мораль, отсутствие которой в любом обществе, как бы оно не называло себя, сводит на нет значение любых законов. Ты лучше скажи мне, как ты себя чувствуешь?

Владимиров слегка пожал плечами.

– Нормально, – ответил он. – А что?

– Да вид у тебя неважный...

– Вот вернёмся домой и тогда будем лечиться, – сказал Владимиров.

– И когда это случится?

В голосе Орлова прозвучала грустная ирония.

– Ты знаешь, Андрей Яковлевич, возвращение домой мне уже по ночам снится... – вдруг признался Владимиров. – И ещё я боюсь, что мои сыновья меня не узнают...

2

Тридцатого июня сразу после обеда приехал Дэн Фа.

– Товарищ Сун Пин, – обратился он сдержанно к Владимирову, – вас просит срочно приехать товарищ Мао Цзэдун.

– Что-нибудь случилось? – машинально спросил Владимиров.

– Случилось... То есть не случилось... – тут же поправился Дэн Фа. – Я не знаю...

Владимиров больше не стал расспрашивать Дэн Фа. Быстро собрался и они поехали. На удивление Владимира, на этот раз Дэн Фа попросил его подождать у двери, сказав, что ему надо доложить об их приезде. Когда Дэн Фа открывал дверь, Владимиров услышал резкий голос Мао.

– ...Я тебе уже сто раз говорил! Не связывайся с Кан Шэном!.. Мне легче от тебя избавиться, чем от него!..

Через минуту Дэн Фа вернулся и сказал:

– Товарищ председатель вас ждёт. Проходите...

Владимиров застал Мао Цзэдуна в расстроенном состоянии. Это было видно не только по лицу, но и по всей фигуре, которая чем-то напоминала взъерошенного медведя. Цзян Цин стояла рядом. Она тихо ответила на приветствие Владимирову и ушла в свою комнату.

– Наконец-то я дождался вас! – вместо обычной любезности, как это всегда делал Мао, произнёс он. – Проходите и присаживайтесь... – И указал на кресло рядом со столом. А сам продолжал стоять.

– Что-нибудь случилось? – садясь в кресло, спросил Владимиров.

– Случилось!.. – Мао провёл ладонью по лицу так, словно хотел смахнуть с него невидимую паутину, которая мешала ему говорить. – Мне сегодня доложили, что Чан Кайши препятствует вылету к нам американцев!.. Я всегда говорил – ему нельзя верить!..

Владимиров был слегка озадачен такой новостью: он уже отправил в Центр информации о прилёте в Яньань американских корреспондентов и наблюдателей и другое: почему Мао решил об этом говорить с ним.

– Странно... – проговорил Владимиров. – Насколько я знаю – это была просьба президента США Рузвельта...

– И Рузвельта, и вице-президента Уоллеса! – прервал его Мао и заходил из одного угла в другой. – Чан Кайши неуправляемый человек!.. Вот как бы вы поступили на моём месте? – Вдруг спросил он, и, не дожидаясь ответа, продолжил. – Переговоры в Чунцине топчутся на месте!.. Наши условия даже не рассматриваются!..

Мао явно кривил душой. Владимиров знал от Кан Шэна, что на последней встрече с делегацией Гоминьдана, шёл разговор о увеличении дивизий КПК с двенадцати до шестнадцати и назначения одним из заместителей главы Центрального правительства представителя КПК Лю Шаоци.

– Я чем-то могу помочь? – спросил Владимиров, уже догадываясь, что Мао пригласил его к себе не для того, чтобы поплакаться в жилетку.

– Вы же пишете в свои газеты!.. Сообщите в Москву обо всём, что у нас происходит!.. – раздражённо проговорил Мао. – Вот и напишите обо всём этом!.. Сообщите своему руководству!.. В конце концов, мы делаем всё, чтобы каким-то образом наладить отношения с Чунцином!..

После встречи с Мао Владимиров сразу поехал к Бо Гу. Выслушав его, тот сказал:

– ...Я вам скажу больше: Рузвельт уже отправил Чан Кайши телеграмму, в которой поставил его перед выбором – или он разрешает военным представителям США вылет в Особый район Китая, или будут пересмотрены условия поставок в Чунцин военно-технической помощи. Я не могу предсказать, чем закончится вся эта история, но и Мао, и всё наше руководство, мягко говоря, в растерянности. Скажу прямо: на американцев мы возлагали некоторые надежды... Мао и вчера, и сегодня уже собирал всех членов Политбюро. Советовался, что делать дальше. Пока что всё в подвешенном состоянии.

Немного прояснил ситуацию Орлов, когда вернулся из госпиталя.

– Я разговаривал с Жэнь Биши, – сказал он. – Американцы вылетают в Яньань через день-другой. По предварительным данным их «миротворческая миссия» будет состоять из десяти человек, но кто возглавит эту «миссию», пока не известно... Вот такие пироги, Пётр Парфёнович...

Владимиров задумался.

– Да-а-а... – протянул он, усмехнулся и проговорил. – Кубок жизни был бы сладок до пригорности, если бы не падали в него горькие слёзы...

Орлов с недоумением глянул на Владимирова.

– Ты это к чему? – спросил он.

– Да так... Ни к чему... – ответил Владимиров. – Как ты думаешь, что тут «миротворческая миссия» буде наблюдать?

Орлов слегка пожал плечами.

– Выходит, они серьёзно заинтересовались Особым районом... – ответил он.

...В ночь с первого на второе июля Совинформбюро сообщило, что в ходе наступления за последние дни войсками Первого и Второго Белорусских фронтов уничтожено свыше восьмидесяти тысяч немецких солдат и офицеров, триста танков и самоходных орудий, взято в плен пятьдесят тысяч гитлеровцев. Этой же ночью радио Токио передало сообщение о взятии японскими войсками городов Чжучжоу, Хэншань и Сянтань. И уже под утро Риммар принял шифровку от «Кедра». В ней говорилось, что в Токио известно о телеграмме генерала Стилуэлла президенту США Рузвельту о критическом военном положении в Китае и крайне низкой боеспособности китайских войск. Сведения, полученные от «Кедра», были сразу переданы в Центр.

Приехавший на обед Орлов рассказал:

– ...Сегодня снова собиралось Политбюро. Обговаривали детали по встрече американцев. За всё будет отвечать Лю Шаоци. Он же и выступил на Политбюро с планом переговоров с американцами. Главное, по его мнению, убедить их в необходимости поставок Особому району американской техники и вооружения...

– А что взамен? – спросил Владимиров.

– Об этом, насколько я знаю, речи не шло, – ответил Орлов.

...Третьего июля Совинформбюро сообщило об освобождении войсками Третьего Белорусского фронта столицы Белоруссии – Минска. Война откатывалась на Запад.

3

Пятого числа Владимиров узнал от Бо Гу о возобновлении переговоров между делегациями КПК и Гоминьданом.

В этот же день американское агентство «Ассошиэйтед пресс» заявило, что США придают большое значение переговорам в Чунцине между двумя ведущими силами Китая Гоминьданом и КПК. Возобновление переговоров подняло настроение и у Владимирова, однако Орлов скептически заметил.

– Мне кажется, – сказал он, – что эти переговоры больше нужны нам и американцам...

– Давай будем надеяться на лучшее, – заметил Владимиров. – В конце концов, Мао и Чан Кайши должны понять: своим противостоянием они льют воду на чужую мельницу. – И тут же спросил: – А что говорят в городе по поводу прилёта американцев?

– Не знаю, – ответил тот. – В госпитале, по-моему, об этом никто не знает, а в больнице не до американцев... Да! Я был сегодня у Ван Мина. Дела у него заметно пошли на поправку. Дважды приезжал к нему Мао. Сказал, чтобы он скорее выздоравливал и приступал к работе...

– Не сказал к какой? – поинтересовался Владимиров.

– Нет, – ответило Орлов. – Ван Мин рассказал, что во время последнего приезда Мао расспрашивал о Сталине и о работе университета дружбы народов. И много говорил о своём сыне, который учится в Москве, восхищался победами Красной Армии. И даже сказал, что после войны пойдёт в Москву на учёбу самых достойных командиров.

Владимиров сдержанно усмехнулся.

– Ну-ну... – проговорил он. – Поживём – увидим...

...Девятого июля Риммар поймал волну, на которой работала радиостанция Токио. Диктор сообщил об окружении частями одиннадцатой японской армии в городе Хэньян крупного

гарнизона гоминдановских войск. Американские и британские радиостанции в течение дня сообщали о боях на севере Франции. По их сведениям, к этому дню союзникам удалось значительно продвинуться вперёд и в ходе боев уничтожить до пятидесяти тысяч немецких солдат и офицеров. Потери союзников составляли около шестидесяти тысяч человек

...Выждав, когда Владимиров прочитал последнюю запись в журнале, Риммар спросил:

– Неужели это правда?

– Ты о потерях союзников?

– Нет, Пётр Парфёнович, война есть война. Просто не верится, что и с той стороны зашевелились...

– А почему бы и нет? – в свою очередь задал вопрос Владимиров. – Война близится к концу... Самое время присоединиться к праздничному пирогу...

Остывающее солнце не успело коснуться округлых вершин гор и, над долиной воздух ещё казался стеклянным, когда вернулся домой Орлов. Смахнув ладонью со лба пот, рухнул на стул и с облегчением выдохнул.

– Слава богу!.. Наконец-то добрался!.. – И обратился к вышедшему в эту минуту из радиоузла Риммару: – Коля, сжался надо мной... Дай водички... Всё во рту пересохло...

Риммар налил из глиняного кувшина кружку воды и подал Орлову. Тот жадно выпил, вернул кружку Риммару и проговорил:

– Дай бог тебе, Коля, такую жену, какая у меня была первая...

Риммар с удивлением глянул на Орлова, затем перевёл взгляд на Владимирова.

– Ну и шутки у вас, Андрей Яковлевич! – слегка обиделся Риммар.

Орлов скрестил руки на груди.

– Извини, Коля... К слову пришлось... Сегодня в госпиталь приезжал Дэн Фа. Так... Для профилактики, – пояснил Орлов. – По ходу разговора он похвалился, что его назначили руководителем высшей партшколы в Яньани. До этого, оказывается, он исполнял обязанности руководителя. Ты знаешь, какую мысль он высказал? Оторвите Турцию от Германии, как члена тройственного союза, и это отразится «похоронным колокольным звоном для немцев». Но мне кажется, он уже опоздал со своим советом. Разве не так?

– Так, – согласился Владимиров. – Как и то, что Мао не держит рядом с собой глупых людей. – Добавил он. И тут же поинтересовался: – А с чем связано утверждение Дэн Фа на должность руководителя высшей партшколы? Он и так её исполнял...

Орлов в ответ неопределённо пожал плечами.

– Может, с подготовкой к съезду?.. – предположил он. – Мао решил укрепить свои позиции...

Владимиров согласно кивнул головой.

– Возможно, – проговорил он, чему-то улыбнулся и продолжил: – Будучи поставлен во власть, не употребляй на должностях при себе лукавых людей, ибо в чём они погрешат, за то обвинят тебя...

– И кто это сказал? – полюбопытствовал Орлов.

– Честное слово, не помню, – признался Владимиров. – Но я уверен: Мао знает об этом...

...Одиннадцатого июля Совинформбюро сообщило о полном разгроме крупной группировки войск противника западнее Минска, где в ходе боёв было взято в плен более шестидесяти тысяч солдат и офицеров, двенадцать генералов, в том числе три командира корпуса и девять командиров дивизий. По этому поводу Орлов заметил, когда Владимиров вслух прочитал сводку Совинформбюро.

– Нет худа без добра... – и, заметив на себе вопрошающий взгляд Владимирова, пояснил: – Война бесспорно не лучшее дело, но она за это время научила нас большему, чем мы могли бы научиться за сто лет мирной жизни. Не знаю... Может, я и не прав, но так получается...

4

Уже поздно вечером тринадцатого числа пришло новое сообщение Совинформбюро об освобождении Вильнюса. А в полночь Риммар принял шифровку от «Кедра». В ней сообщалось о гибели японских адмиралов Нагумо и Яно. И о назначении новым морским министром бывшего посла Японии в США адмирала Номуру.

На другой день Владимирову передали просьбу Мао Цзэдуна срочно приехать к нему. Владимиров ещё не видел его таким: Мао сутулился, лицо усталое и озабоченное. В помещении было нечем дышать от сигаретного дыма. И кругом на полу валялись окурки. Владимирову даже стало слегка не по себе. Ответив на приветствие Владимира кивком головы, Мао вяло поинтересовался всё ли у Владимира хорошо и не нужна ли им какая помощь. Потом закурил и продолжил.

– ...Товарищ Сун Пин, я хотел вот о чём с вами поговорить... Наши отношения с Москвой несомненно желают быть лучше. Да! Я всё понимаю – идёт война у вас, однако и здесь идёт война. Вы согласны со мной?

– Согласен, товарищ председатель, – сдержанно ответил Владимиров, стараясь предугадать дальнейший ход мыслей Мао.

Тот еле заметно кивнул головой и продолжил:

– Исходя из всего этого, мы вынуждены сегодня выстраивать свои отношения, как и вы, с Вашингтоном и Лондоном. Если всё сложится хорошо, выиграем и мы, и вы. Теперь, что касается переговоров в Чунцине. Я знаю, вы постоянно проявляете к ним интерес. И это понятно. Но я вынужден вас предупредить: не надо жить иллюзиями от этих переговоров...

Владимиров не сдержался и хотел высказать своё мнение, но Мао предупредительно выставил вперёд ладони.

– Подождите, товарищ Сун Пин!.. Не торопитесь. Я ещё не все сказал. Да, я знаю: и товарищ Сталин, и товарищи Димитров, и Мануильский – все настаивают на налаживании наших отношений с Гоминьданом, но никто не знает, как это сделать... Не знаем и мы, а Чан Кайши просто не желает этого!.. Переговоры в Чунцине зашли в тупик...

– Я полагаю, вы хотите, чтобы я довёл до сведения своего руководства вашу точку зрения? – спросил Владимиров.

Мао Цзэдун отрешённым голосом ответил:

– Сказать вам честно? Я уже не надеюсь на помощь Москвы...

– И все же говорите со мной...

– Да, товарищ Сун Пин. – и Мао чуть заметно усмехнулся. – Как говорят у вас: надежда умирает последней?

– Товарищ председатель, можно задать вам один вопрос? – спросил Владимиров, в душе понимая тревоги Мао Цзэдуна.

– Можно, – впервые улыбнувшись, ответил тот.

– Скажите откровенно, вы по-прежнему придерживаетесь точки зрения, которую высказали в своей работе «О новой демократии»? Я её прочитал сразу после прилёта в Яньань. В ней вы утверждаете, что без Советского Союза фашистскую Японию не победить и не освободить оккупированные китайские территории. Сейчас, когда на Западе война близится к своему завершению, вы, если я правильно вас понимаю, делаете ставку на США и Великобританию, без учета интересов Советского Союза на Дальнем Востоке. Или я ошибаюсь?

Мао поджал нижнюю губу. Это было признаком его скрытого раздражения.

– Не совсем, товарищ Сун Пин, – ответил он. Сделал глубокую затяжку дымом, затушил окурок о переполненную пепельницу и продолжил: – Вы никогда не задумывались над тем, что и США и Великобритания всегда боялись, и будут бояться влияния России на Дальнем

Востоке. А Китай занимал, и будет занимать в их планах важное место. Они будут делать всё, чтобы не допустить расширения вашего влияния и на Дальнем Востоке, и тем более, на Юго-Восточную Азию...

– Тогда разрешите задать вам ещё один вопрос? – проговорил Владимиров.

Мао Цзэдун добродушно развёл руки.

– Сколько хотите...

– Вы надеетесь, что США станут на вашу сторону, если сорвутся переговоры с Гоминь-даном?

Мао Цзэдун усмехнулся.

– Как вам сказать, товарищ Сун Пин?.. – И на какое-то мгновение задумался. – То, что они принуждают Чан Кайши к переговорам с нами, это уже говорит само за себя. И в то же время американцы не сторонники международной пролетарской солидарности. Мы даём себе в этом отчёт...

...Уехал Владимиров от Мао Цзэдуна с тревожным чувством. Сегодня Мао сказал больше, чем когда-либо. Надо было всё обдумать, подытожить и подготовить донесение в Центр.

...Пятнадцатого июля Совинформбюро сообщило о продолжении успешного наступления войск Первого Белорусского и Первого Украинского фронтов, освобождении Пскова и нанесении ударов по противнику из района Тернополя на Львов и Перемышль.

...Уже поздно вечером приехал Орлов и чуть насмешливо объявил:

– Поздравляю! Двадцать второго числа в Яньань прилетают американцы. Группа из девяти человек во главе с полковником Барретом!

– Это уже точно? – переспросил Владимиров.

– Точно, Пётр Парфёнович! Об этом я узнал от Чжу Дэ... По такому случаю моя бабушка говорила: пусти чёрта в дом, не вышибешь потом и лбом. Мудрая старушка была...

5

Шестнадцатого июля Орлов передал Владимирову просьбу Ван Мина найти время и приехать к нему. В этот же день Владимиров поехал к Ван Мину. Встретила Владимирова, как всегда, Роза Владимировна.

– Вы у нас уже давно не были, – сказала она. – Проходите. Муж в своей комнате. – И перешла на шёпот: – Я так рада... Он стал читать, много пишет и даже вечерами выходит на улицу...

Открыла дверь в комнату Ван Мина, пропустила Владимирова и тихо её прикрыла. Ван Мин стоял у окна. Когда Владимиров вошёл, он обернулся и пошёл ему навстречу.

– Здравствуйте! – проговорил он. – А я видел, как вы подъехали!

Обнял Владимирова за плечи и предложил присесть в одно из двух кресел, стоящих у стола. Сам сел рядом.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался Владимиров, отметив про себя, что Ван Мин выглядел значительно лучше, чем это было во время последнего его приезда.

– Хорошо, – ответил тот. – Хотелось бы лучше, но уже не те годы...

Владимиров возразил.

– Напрасно вы так говорите!.. Если мне не изменяет память, вам в мае исполнилось сорок лет? Мы с вами ещё горы свернём!..

– Верно, верно!.. Свернём!.. – улыбнувшись, ответил Ван Мин. – В древней китайской философии существовало такое понятие, как «жэнь», что означало человеческое начало. Исходя из этого понятия можно сказать: человек представляет из себя то, что он сам из себя пытается сделать. Но это из области философии. А я вот почему просил вас приехать. Мне

сказали, что Мао в последнее время стал часто приглашать вас к себе. Это ваше дело. Только будьте с ним осторожны. Во мне сейчас говорит ни месть, ни эгоизм, ни желание наговорить на него лишнее. Я хочу сохранить всё то хорошее, что ещё осталось у нас от дружбы с вашей страной. Мао только на словах признает Советский Союз, как силу, вокруг которой держится антифашистская коалиция. На самом деле он так не считает. Ему всё равно, какому богу молиться. У него одна цель – добиться власти над всем Китаем. Может быть, я сейчас выгляжу неубедительным, но поверьте мне – это так. И он ни перед чем не остановится...

Ван Мин говорил спокойным ровным голосом, но в его глазах Владимиров видел и мучительную боль, и отчаяние. Владимирову стало даже слегка не по себе.

– Я понимаю вас, – сказал он. – И ваши тревоги, и то, что все мы оказались не в простой ситуации, из которой надо находить выход. И чем быстрее, тем лучше.

– Я рад, что вы меня понимаете, – проговорил Ван Мин. – Но учтите, что Мао уже добился многого. Иначе бы он не решился на проведение седьмого съезда партии, делегаты которого выбраны около года тому назад. И хорошо будет, если до конца этого года съезд всё же состоится... Но самое страшное, что у нас уже произошло, это безоговорочная покорность подавляющего большинства руководства и в партии, и в советских органах управления всему, что скажет Мао...

Ван Мин умолк и откинулся на спинку кресла. Владимиров воспользовался этой паузой.

– Неужели и в Политбюро, и в ЦК не осталось людей, которые бы взяли на себя смелость и заявили о том, к чему всё это может привести? – спросил он.

Ван Мин отрицательно качнул головой.

– Скорее всего, нет... – ответил он. И вдруг спросил: – А что у вас нового в России?

– Наступление идёт на всех фронтах, – ответил Владимиров. – Практически освобождены уже вся Украина, Белоруссия. Осталась Прибалтика.

Ван Мин довольно улыбнулся.

– Мне Бо Гу передаёт время от времени информацию, – сказал он. – Правда, сам не приезжает...

В это время в комнату вошла Роза Владимировна.

– А я вам чай приготовила, – сказала она.

Владимиров умоляюще сложил руки на груди.

– Спасибо, Роза Владимировна, но мне уже пора идти...

Ван Мин бросил в сторону жены укоризненный взгляд.

– Ты что, раньше не могла? – сказал он.

– Ну, вы же разговаривали... – растерянно ответила Роза Владимировна.

– Не сердитесь, – попросил её Владимиров. – Мне действительно пора ехать...

Уже по дороге домой Владимиров мысленно перебрал весь разговор с Ван Мином и пришёл к выводу: Ван Мин в чём-то прав относительно Мао Цзэдуна. Тот достаточно прочно стоит на ногах и готов на всё, ради достижения своей цели.

...Было около двенадцати часов ночи, когда от «Кедра» пришла очередная шифровка. В ней «Кедр» сообщал о назначении императором Японии нового командующего Квантунской армией в Маньчжурии. Им стал генерал Ямада 1881 года рождения, участник русско-японской войны 1904—1905 годов. Антисоветчика. В Токио генерал Ямада считался одним из лучших специалистов по ведению боевых действий на Корейско-Маньчжурском направлении. Шифровка сразу была отправлена в Центр. И уже за полночь радиостанция британского агентства «Рейтер» передала сообщение об участвовавших случаях перевода крупных денежных сумм из Берлина в швейцарские банки.

...За завтраком Риммар с возмущением заявил:

– Вот сволочи!.. Неужели они думают, что эти деньги им ещё пригодятся?

Орлов глянул на Владимирову, потом перевёл взгляд на Риммара.

– Гитлеру не пригодятся. Это точно. А вот его последышам может и пригодятся... Сами идеи не погибают с их носителями...

...Восемнадцатого июля во второй половине дня приехал Жэнь Биши. Отдуваясь, смахнул ладонями от лица пот и почти простонал.

– Ну и жара!.. Думал, с лошади упаду... – и только после этого поздоровался с Владимировым. – Товарищ председатель просит вас отправить в Москву телеграмму...

С этими словами он достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги и протянул Владимирову. И тут же спросил:

– А водички попить дадите?

Владимиров положил телеграмму на стол и налил Жэнь Биши кружку воды. Пока тот пил, Владимиров прочитал текст телеграммы. Она была адресована Димитрову. Мао Цзэдун коротко сообщал о ходе переговоров в Чунцине и о нарастающем противостоянии японским оккупантам. В конце телеграммы было написано: «...Только благодаря успешным действиям наших войск и поддержке их со стороны местного населения, нам удалось значительно расширить территорию Особого района, общее число жителей которого составляет около восьмидесяти миллионов человек с двадцатью шестью уездными центрами».

– Ну, я поехал? – спросил Жэнь Биши, когда Владимиров закончил читать.

– Если ко мне нет вопросов, поезжайте, – ответил тот.

Жэнь Биши слегка поклонился.

– За водичку спасибо. Хорошая она у вас.

И вышел.

...Вечером Владимиров показал текст телеграммы Орлову. Тот молча прочитал и спросил:

– И ты будешь её отправлять?

– У меня есть выбор? – вместо ответа задал вопрос Владимиров.

– Ну, хотя бы своё мнение допиши...

– А ты думаешь, в Москве не знают, что здесь происходит на самом деле?

Орлов махнул рукой.

– Поступай, как хочешь... – и вдруг сказал: – Как я завидую нашим ребятам!..

– Андрей Яковлевич, не расстраивайся, придёт и наше время...

Орлов скептически усмехнулся и проговорил:

– Улита едет, когда-то будет...

Глава седьмая

1

Девятнадцатого июля Риммар принял шифровку из Центра. В ней сообщалось: «Двадцатого числа из Чунцина в Яньань прилетает группа иностранных корреспондентов. В составе группы находится корреспондент ТАСС Проценко. Он поступает в ваше распоряжение».

– Пётр Парфёнович, – обрадовался Риммар, – в нашем полку пополнение?..

– Посмотрим, – неопределённо ответил Владимиров, – что это за пополнение... Встречать не будем... Найдём его потом...

Однако, уже на следующий день, Проценко сам появился у них в доме перед обедом. Владимиров это слегка насторожило.

– Проценко Игорь Иванович, – поздоровавшись, представился гость. – Корреспондент ТАСС...

Среднего роста с большими залысинами и внимательными серыми глазами, он был больше похож на служащего какой-нибудь правозащитной организации, нежели на корреспондента. Так, по крайней мере, Владимирову показалось. На вид Проценко было лет тридцать пять – сорок.

– Как вы нас так быстро нашли? – поинтересовался Владимиров, всё ещё не отделившись от чувства настороженности.

Проценко добродушно улыбнулся.

– Вышел из гостиницы и у первого же попавшегося на глаза китайца спросил: «Где находится русский корпункт?» Китаец взял с меня три доллара и привёл прямо к воротам вашего дома...

– Так вы в гостинице остановились? – снова спросил Владимиров.

– Как и все... Пётр Парфёнович, не беспокойтесь. Меня ввели в курс дела в нашем посольстве в Чунцине, – сказал Проценко.

У Владимирова немного отлегло от сердца.

– Ну, проходите, Игорь Иванович... – предложил он. – Присаживайтесь к столу. У нас хороший повар и мы вас сейчас чем-нибудь угостим.

Проценко не стал отказываться. Владимиров попросил Риммара позвать Чана. А когда тот пришёл, сказал:

– Чан, у нас гость. Надо угостить чем-нибудь...

Чан понимающе улыбнулся и закивал головой.

– У меня как раз есть кое-что!

Не прошло и пяти минут, как он снова появился с кастрюлей, укутанной толстым полотенцем. Поставил кастрюлю на стол, почти с торжественным видом снял крышку и по комнате стал разливаться ароматный запах борща. Проценко приподнялся со стула и, шумно втягивая носом воздух, закрыл глаза и произнёс:

– Братцы!.. Я уже не помню, когда в последний раз ел борщ!..

Владимиров обернулся к Чану.

– Ну, ты у нас не повар, а волшебник! – сказал он и обратился к Проценко. – Мы тоже забыли вкус борща...

Уже за обедом Проценко рассказал:

– ...В посольстве мне рассказали, что руководитель делегации КПК в Чунцине, перед вылетом американцев сюда, встречался с полковником Барретом. Он и будет во главе американской миссии. О чём они говорили, неизвестно, но, судя по разговорам и в самолёте, и уже в гостинице, речь шла о признании правительством США независимости Особого района

от Центрального правительства, и установление прямых дипломатических отношений, хотя бы на уровне представительств.

Владимиров недоверчиво качнул головой.

– Свежо предание, да верится с трудом... – проговорил он.

– Прилетят они двадцать второго числа. Вы будете на аэродроме? – поинтересовался Проценко.

– Скорее всего, приеду... – немного подумав, ответил Владимиров.

Проценко стал собираться.

– Спасибо за борщ, – сказал он и посмотрел на часы. – Мне пора. Через полтора часа у нас встреча с Кан Шэном...

– Вы знаете, кто он?

– Конечно, Пётр Парфёнович, – ответил, улыбувшись, Проценко. – Тогда, до встречи в аэропорту...

...Вечером, за ужином, Владимиров рассказал Орлову о появлении у них в доме Проценко и своём беспокойстве. Орлов молча выслушал его и проговорил.

– Пётр Парфёнович, а почему тебя что-то беспокоит? Тем более, что о нём нам сообщили из Москвы...

– Привычка такая выработалась с годами... Ну, ладно... Разберёмся...

В этот же день Риммар принял шифровку от «Кедра». В шифровке было всего несколько слов: «Произошла отставка кабинета Тодзио».

...Двадцать второго июля в полдень почти всё руководство Особого района была на аэродроме. В небе ни облачка. Только жара, невыносимая жара, от которой даже пересохло в горле. К двенадцати часам у здания аэропорта был выстроен почётный караул в новом обмундировании и с карабинами. В тени у стены укрылся оркестр. Мао Цзедун и Чжу Дэ тоже в новых даньи. Здесь же были и все местные и иностранные корреспонденты. Владимиров отыскал глазами среди них Проценко. Тот стоял с «лейкой» и разговаривал с каким-то корреспондентом. Проценко тоже увидел Владимира и слегка махнул ему рукой. В это время в зал с улицы торопливо вошёл Кан Шэн и что-то сказал Мао Цзэдуну. Тот кивнул головой и направился к выходу. За ним последовали все остальные. Когда Владимиров оказался снаружи, он увидел в небе быстро увеличивающийся силуэт самолёта. Прошло ещё несколько минут и мощный рёв моторов «Дугласа» заполнил всё пространство вокруг аэропорта. Самолёт снижался на бешеной скорости, словно за ним кто-то гнался. Посадочная полоса была уже под ним, однако «Дуглас» продолжал ещё лететь на приличной высоте. По толпе корреспондентов прокатилось волнение. Кто-то по-английски даже воскликнул:

– Что он делает?

«Дуглас» был уже над серединой посадочной полосы, когда стал резко снижаться. Наконец, его шасси коснулись земли, но самолёт продолжал быстро катиться к краю полосы. Все замерли в ожидании, что сейчас что-то произойдёт. Владимиров глянул на Мао Цзедуна. Тот стоял, замерев с окаменевшим лицом, и не спускал глаз с самолёта. «Дуглас», тем временем, прокатил всю посадочную полосу и его колеса увязли в сыпучем грунте. Самолёт резко наклонился на одну сторону и зацепился крылом за землю, подняв тучу пыли. Моторы надсадно взревели и, спустя какое-то время, заглохли. Над толпой встречающих повисла мёртвая тишина. Первыми пришли в себя корреспонденты и бросились к самолёту. За ними побежали китайские солдаты из оцепления. Самолёт развернуло почти на девяносто градусов, сломалась одна стойка шасси и двери «Дугласа» оказались чуть ли не на уровне земли. Прошло ещё некоторое время, дверь самолёта открылась и из него стали выходить пассажиры. Последним вышел полковник. Это был Баррет.

Все остальное происходило как в плохом спектакле: грянул духовой оркестр, начальник почётного караула вместе с Мао Цзэдуном направились к самолёту. Полковник Баррет тем

временем приводил в порядок свой выдавший виды мундир. За Мао двинулась вся толпа. Владимиров обратил внимание на то, что и у полковника Баррета, и у остальных офицеров на левом плече были пришиты эмблемы советников США при китайской армии. Эмблема представляла собой флажок с многогранной гоминдановской звездой и сине-белые полосы, на которых красовались американские звезды. Полковник Баррет оказался невысокого роста и довольно грузноватым. Баррет снял с головы пробковый шлем, вытер взмокший лоб носовым платком и за руку поздоровался с Мао Цзэдуном. Остальным кивнул головой. После этого все направились к зданию аэропорта. Владимиров успел сделать несколько снимков этой встречи. Мао Цзэдун и Баррет прошли вдоль почётного караула в сопровождении начальника караула и направились в здание аэропорта. Духовой оркестр грянул то ли какой-то марш, то ли это был гимн США.

Проценко подошёл к Владимирову, весело поздоровался и спросил:

– Видели?.. Не повезло ребятам... Командир экипажа самолёта капитан Роберт Чэмпион один из опытных лётчиков ВВС США. И такая неудача...

– Да, не повезло... – согласился Владимиров. И тут же поинтересовался: – Корреспондент, с которым вы говорили в зале аэропорта, американец?

– Да, американец, – ответил Проценко. – Его фамилия Аткинсон. Он представляет в Яньани газету «Вашингтон пост». Отличный малый и как человек, и как журналист!

Владимиров кивнул головой.

– Ясно...

– Он вас заинтересовал? – спросил Проценко.

– Нет, Игорь Иванович... Я просто обратил внимание на то, что вы с ним дружески общались...

– Я с ним знаком уже пятнадцать лет, – ответил Проценко. – Он не раз был до войны в Москве в редакции «Правды». Там я с ним и познакомился. А потом встретились в Чунцине. Он очень уважает Советский Союз и считает, что если бы мы не выстояли против Гитлера, следующие были бы США и Великобритания...

– Это уже хорошо, – проговорил Владимиров. – Как вам показались миротворцы?

Вместо ответа Проценко сказал.

– Я до конца дня постараюсь поговорить с Аткинсоном и ещё кое с кем из американцев... Вы не обратили внимание на самого высокого из них? В роговых очках. Это второй секретарь американского посольства в Чунцине. Его фамилия Сервис. Попробую взять у него интервью. А вечером, если удастся, и, если вы не возражаете, я буду у вас. Надо кое о чём поговорить.

– Не возражаю, – ответил Владимиров и в первый раз за всё время с облегчением улыбнулся.

Проценко явно стал ему нравиться. Однако, вечером Проценко не появился. Не было его и на второй, и на третий день...

За это время Владимиров узнал, что полковник Баррет до последнего времени был военным атташе в Чунцине. И с ним прилетели, кроме второго секретаря посольства США в Чунцине, Сервиса, майор Кромли, майор Касберг, капитан Стэлл, капитан Домке, лейтенант Уиттлес и сержант Ремених.

2

...Двадцать четвёртого июля пришла шифровка от «Кедра». В ней сообщалось о назначении императором Японии нового состава правительства во главе с генералом Коисо, который заявил о готовности страны вести войну до последнего солдата. В этот же день радиостанции американского агентства «Ассошиэйтед пресс» и британского «Рейтер» распространили сообщение о победе на президентских выборах в США Рузвельта. А правительственная радио-

станция Чунцина прокомментировала решение Чан Кайши дать согласие на увеличение союзнической миссии в Яньани до восемнадцати человек.

К удивлению Владимирова, такая новость в Яньани не вызвала никакой реакции. Зато Орлов заметил:

– ...Я больше чем уверен: это американцы попросили подкрепление... Да! Я узнал – среди прилетевших американцев есть и мой коллега. Лейтенант Уиттлес.

А Владимиров насмешливо продолжил:

– Остальные – профессиональные разведчики! Я говорил с Кан Шэном. Он в этом не сомневается. Интересно, как к этому отнесутся и Мао, и все остальные?..

– Проценко не появлялся? – поинтересовался Орлов.

– Как в воду канул, – ответил Владимиров. – А почему ты спросил?

– Я слышал, группа американцев куда-то выезжала... Может, и он с ними... Да, кстати!.. Ходят разговоры о переселении американцев из гостиницы в Ваньцалин...

– В целях безопасности? – усмехнулся Владимиров.

– Возможно, а может, чтобы как-то изолировать их, – высказал свои соображения Орлов. – А пока они разгуливают по всему городу с фотоаппаратами и фотографируют всё подряд. А потом в номерах устраивают вечеринки с выпивкой и местными девушками. И, по моему, девушек им поставляет Кан Шэн!

Владимиров махнул рукой.

– Они не согласятся на переселение, – сказал он. – Меня больше волнует, куда исчез наш Проценко...

– В морге его нет. Это точно, – пошутил Орлов.

Владимиров даже изменился в лице.

– Ну и шуточки у тебя, Андрей Яковлевич...

– А что я сказал?.. Да не переживай ты за него!.. Он самостоятельный человек во всех отношениях. Появится!..

Проценко действительно появился в доме на другой день уже под вечер с измученным и загорелым лицом.

– Здравствуйте, – проговорил он. – Вот и я...

Со стороны, наверное, всё это могло выглядеть, как возвращение в дом беглого родственника. Владимиров с Орловым переглянулись и вдруг покатались со смеху, чем привели Проценко в смущение.

– Я что-то не так сказал? – спросил он.

– Нет-нет, Игорь Иванович!.. – сказал Владимиров. – Все так. Просто, вид у вас... словно вы из плена вернулись. Проходите и присаживайтесь.

Проценко устало опустился на стул.

– Если бы вы знали, что мне пришлось вытерпеть за трое суток езды на проклятом муле!.. – и его лицо страдальчески искривилось.

Владимиров и Орлов уже догадались, о чём идёт речь.

– Игорь Иванович, мы сейчас вас сначала накормим и напоим, а потом вы поведаете нам о своих приключениях! – прервал его Владимиров.

Однако Проценко отрицательно качнул головой.

– Водички я попью... А есть не хочется...

Орлов налил ему в кружку воды. Проценко выпил на одном дыхании. Тыльной стороной ладони вытер губы и продолжил.

– В тот день, когда я собирался к вам, неожиданно выяснилось, что через час в Наньнинвань в распоряжение триста пятьдесят девятой бригады, которая входит в состав восьмой армии, выезжают полковник Баррет, майор Кромли и капитан Коплинг в сопровождении трёх

корреспондентов в главе с Аткинсоном. Я напросился в компанию. Времени оставалось только на сбор...

Владимиров понимающе качнул головой.

– Всё ясно... И как вам показалась эта бригада?

– Бедновата, конечно... – ответил Проценко. – И казарма, и столовая – всё в одном помещении, форма старенькая, у многих с заплатками. На вооружении только старые японские и английские винтовки и карабины. Зато дух у всех боевой. Я говорил и с рядовыми, и с командирами – готовы в огонь и в воду за идеи председателя товарища Мао Цзэдуна. А когда узнавали, что я из Москвы, улыбались как дети, радовались и говорили, что на Советский Союз у них одна надежда. К американцам относятся вежливо, но не более...

Пока Проценко рассказывал, Орлов вышел и скоро вернулся с Чаном. На двух подносах они принесли миски с рисовой кашей на говяжьем бульоне, салат из свежих овощей, соевую подливку и чашки с уже заваренным чаем. Орлов пояснил.

– Война – войной, а ужин по расписанию!

И уже когда сели за стол, Риммар, ни к кому не обращаясь, со вздохом произнёс.

– По такому случаю не повредили бы и наркомовские сто грамм...

– У нас, насколько я знаю, ничего нет, – ответил Владимир. Орлов укоризненно покачал головой.

– Я так и знал... – встал из-за стола и направился в свою комнату. Вернулся с бутылкой спирта. – Это у меня для медицинского целей, – пояснил он и отдал бутылку Риммару. – А где стаканы?

Чан поставил на стол четыре стакана.

– Не хватает ещё одного, – сказал Владимир.

– Вас же четверо, – с недоумением ответил тот.

– Нас пятеро. Садись за стол, вместе поужинаем.

Чан слегка замялся.

– Садись, садись! – поддержал Владимирова Орлов. – Куда нам без тебя...

Уже после ужина, когда Чан ушёл на кухню, Проценко вдруг предложил.

– Давайте, я вас познакомлю с Аткинсоном. Кладёшь информации! Но самое главное – он в дружеских отношениях с полковником Барретом...

Владимиров согласился.

– Только надо сделать так, чтобы это не выглядело навязчиво, – попросил он.

– Сделаем, – пообещал Проценко.

Провожали его вместе с Орловым. День уже был на исходе и жара немного спала.

– Игорь Иванович, у меня есть предложение, – сказал Владимир. – Сейчас Чан освободится, и вы пойдёте вдвоём. Тем более, что он живет в том же районе, где и ваша гостиница. – И добавил, заметив недоумение на лице Проценко. – Бережённого бог бережёт...

3

Двадцать девятого числа Риммар поймал волну, на которой работала берлинская радиостанция. Диктор сообщил о покушении на Гитлера, совершённое двадцатого июля во время совещания в ставке в Растенбурге и аресте группы немецких генералов и офицеров, которые, как установило следствие, участвовали в заговоре и в покушении на фюрера. Сообщение о покушении на Гитлера все в доме восприняли спокойно и даже равнодушно.

– Повезло Гитлеру... – только и сказал Владимир.

– Зато не повезло заговорщикам, – продолжил Орлов и стал собираться в госпиталь.

Когда за ним закрылась дверь, Владимир направился в радиоузел к Риммару.

– Коля, отвлекись на минутку, – попросил он. – Сегодня у Андрея Яковлевича день рождения. Подумайте вместе с Чаном, что лучше приготовить. А я поеду к Бо Гу. У меня с ним встреча через час.

...Когда Владимиров вошёл к Бо Гу, увидел в его кабинете Чжу Дэ.

– А мы только что о вас вспоминали! – сказал Бо Гу, вставая из-за стола, и крепко пожал Владимирову руку.

Чжу Дэ тоже поздоровался с Владимировым за руку.

– Я слышал, что среди иностранных корреспондентов есть и один ваш товарищ? – спросил он.

– Да. Проценко Игорь Иванович, – ответил Владимиров. – Аккредитован в Чунцине от ТАСС.

Чжу Дэ кивнул головой.

– Мы уже встречались с ним... Производит хорошее впечатление... Да! За всеми корреспондентами Кан Шэн распорядился установить наблюдение. Скажите об этом вашему Проценко... На всякий случай... Ну, всё, – продолжил он, обращаясь к Бо Гу. – Мне пора ехать.

Когда за Чжу Дэ закрылась дверь, Владимиров шутливо спросил у Бо Гу:

– Вы сказали, что вспоминали обо мне. Наверное, ругали?

– Нет-нет!.. – торопливо ответил тот. – Чжу Дэ о вас очень хорошего мнения... Мне Орлов передал, что вас интересует ход переговоров в Чунцине. Сегодня в Чунцин улетел американским самолётом Чжоу Эньлай со своим советником Чэн Цзякином на помощь нашим переговорщикам. – Пояснил Бо Гу и продолжил. – Хотя я с самого начала не верил в успех переговоров. И, по-моему, я вам об этом говорил. А вот у нас здесь наметился успех. Американцы привезли несколько образцов стрелкового оружия. И, как заявил полковник Баррет, готовы поставлять его в наши войска. Мао поручил Чжу Дэ заняться этим вопросом. И ещё! Чжу Дэ только что мне сказал, что американцы, все без исключения, настроены враждебно к Советскому Союзу. Это, чтобы вы знали тоже. Вот и всё, что я могу вам сказать на этот раз... Да! Есть ещё одна довольно интересная новость: ушёл в отставку президент воюющей против вас Финляндии, Ристо Хейкки Рюти. Новым президентом Финляндии стал маршал Маннергейм, личность вам, наверное, известная... Возможно, что-то и изменится в политике вашего северного соседа...

Перед ужином Владимиров поделился с Орловым своими мыслями от разговора с Бо Гу. Тот, как всегда, внимательно выслушал и сказал:

– Нам с тобой с американцами не целоваться. А поставки даже стрелкового американского оружия в войска КПК может навредить разве что самим американцам. Чан Кайши не простит им этого.

Владимиров усмехнулся.

– Тебе, Андрей Яковлевич, не доктором быть, а аналитиком... Ну, ладно. О делах больше ни слова. Я понимаю – скромность украшает человека, но не до такой степени, чтобы умолчать о своём дне рождения...

Орлов сконфуженно улыбнулся.

– Пёрт Парфёнович, я не помню, когда в последний раз отмечал свой день рождения!..

– Значит, будем отмечать сегодня! – сказал Владимиров. – Коля с Чаном постарались.

За несколько минут стол был накрыт. Он не отличался от каждодневного стола, за исключением бутылки рома, которая красовалась на самой середине. Не успели сесть за стол, как на пороге появился Проценко.

– Я, наверное, не вовремя?.. – сказал он.

– Наоборот, вовремя! – ответил Орлов. – У меня сегодня день рождения!.. Присоединяйтесь к нам!..

– Я же не знал... И без подарка...

Проценко был явно сконфужен.

– У нас общий подарок, – сказал Владимиров. Достал из кармана серебряный портсигар с затейливой китайской инкрустацией и подал его Орлову. – От всех нас на память.

Орлов взял портсигар и с изумлением спросил:

– Ребята, да ему цены нет!.. Пётр Парфёнович, откуда он?

Владимиров хитро улыбнулся.

– В лавке на рынке купили... За копейки...

Орлов недоверчиво покачал головой.

– Ну, спасибо ребята...

Проценко сел за стол, а Риммар тем временем разлил ром по стаканам. Чан собрался было уже уходить, однако Владимиров остановил его.

– Нет, нет, Чан! Садись с нами!.. – сказал он. – Без тебя мы бы уже давно с голоду поумирали... – И выждав, когда Чан сел, продолжил: – За тебя, Андрей Яковлевич! Кто-то из великих мудрецов сказал: «Друзей приобретаю не спеша, а от приобретённого не отворачиваюсь». Так случилось, что мы все оказались вместе здесь и, я думаю, нас связывает не только общая работа, но и настоящая мужская дружба. За тебя!

Ром по своему вкусу и запаху был похож на подкрашенную рисовую водку, но на это никто не обратил внимания. Когда ужин уже подходил к концу, Проценко обратился к Владимирову.

– Пётр Парфёнович, я среди вас человек новый, но позвольте сказать и мне.

– Говорите, Игорь Иванович, – ответил тот.

Проценко встал.

– Друзья, перед отлётом сюда мне в посольстве в нескольких словах рассказали о вас. Я пробыл здесь неделю и убедился: вы не просто представляете здесь наши средства массовой информации, вы находитесь на передовой, которая отличается от фронтовой лишь тем, что здесь не убивают. Андрей Яковлевич, – обратился Проценко к Орлову, – а вы в городе самый узнаваемый человек. Говорю это не ради лести, сам слышал от простых китайцев о русском докторе, у которого золотые руки. За вас, и дай бог вам здоровья, а всем скорейшего возвращения на Родину.

...Уже после ужина, когда Владимиров с Орловым пошли провожать Проценко до ворот, тот сказал.

– Среди американских наблюдателей двое профессиональных разведчиков. Это капитан Стэлл и капитан Домке. Им поставлена задача организовать сбор информации о положении дел в Особом районе, передавать её в американское посольство в Чунцине.

Владимиров усмехнулся.

– Я полагаю, это у них не самая главная задача, – сказал он. – А кто вам сказал об этом? – Тут же поинтересовался он.

– Аткинсон. – ответил Проценко. – Мы договорились сегодня ещё встретиться. Возможно, я ещё что-нибудь узнаю от него...

4

В первых числах августа прошли спасительные ливневые дожди. И сразу всё вокруг ожило, словно вновь народилось на белый свет: и люди, и земля, иссушённая жарой и горячими пустынными ветрами. Потом снова на чистом небе появились ослепительно белое солнце и жгло, жгло и жгло, иссушая последние источники влаги.

...С первого по третье августа Риммар принял и записал несколько сообщений Совинформбюро. В это время войска Третьего Белорусского фронта уже вели бои на широком плацдарме на берегу Немана. Впереди был Каунас. Успех сопутствовал и войскам Первого

Украинского фронта. Была разгромлена вражеская группировка под Бродами, освобождены Львов, Перемышль, Станислав. Передовые части форсировали Вислу и захватили плацдарм под Сандомиром. Войска Первого Белорусского фронта форсировали Западный Буг, освободили Брест, Холм, Люблин, и начали продвижение к Варшаве. Войска Второго Белорусского фронта очистили от немцев Белосток, а войска Первого Прибалтийского, после ожесточённых боёв овладели Паневежисом, Шауляем, Митавой и Двинском. Войска Третьего Прибалтийского и Ленинградского фронтов взяли Нарву.

Совсем другая картина вырисовывалась здесь. Радиостанция японского агентства «Домэй Цусин» передала сообщение об успешных боях с китайскими войсками под городом Хэньяном, где в окружении оказались части девятой армии Чан Кайши. Четвёртого августа радиостанция агентства «Рейтер» сообщило о прекращении переговоров в Москве по вопросу о формировании нового польского правительства. И отказе Москвы признать польское правительство в Лондоне законным правительством Польши.

...Пятого числа в первой половине дня в доме появился Проценко с целой кипой местных газет.

– На досуге читаете... – объяснил он. – Через два дня в Яньань прилетает ещё одна группа американских наблюдателей. Старший группы полковник Фосс. Вот список остальных. – И Проценко протянул Владимирову вырванный из блокнота листок бумаги. Владимиров взял список и бегло прочитал. В списке значились: майор Питеркин, майор Доул, капитан Долян, лейтенант Хитч, лейтенант Джонсон, сержанты Греч и Накамура. Владимиров не без удивления глянул на Проценко.

– Игорь Иванович, а последний кто?

– Японец, – ответил тот. И пояснил: – Техник-радист.

Владимиров кивнул головой.

– Понятно...

– Но это ещё не всё, – продолжил Проценко. – Американцы заинтересовались каким-то делом, связанным с именем Мао Цзэдуна, в Футяни. Вы, случайно, не знаете, что это за дело?

Владимиров сначала хотел сказать, что не знает, но тут же передумал и уточнил.

– Я так понимаю, это Аткинсон попросил узнать?

– Аткинсон, – ответил Проценко. – Пётр Парфёнович, ему можно доверять...

Владимиров слегка задумался.

– Ну, хорошо, Игорь Иванович, – проговорил он. – Если коротко, то дело заключается в расправе сторонников Мао со своими политическими противниками в Футяни. Это была месть за его исключение из партии. Как он потом вышел сухим из воды, остаётся неизвестно и по сей день. Свидетелей нет. Все умерли в разное время. Сегодня в Яньани предпочитают не вспоминать о Футяни. А зачем это американцам?..

Проценко пожал плечами.

– Они люди дотошные, – ответил он. – Возможно, им уже что-то рассказали... Может такое?

– Может, – согласился Владимиров. А про себя подумал: «Действительно, китайцы правы, когда говорят, что человек сам себе злейший враг и даже не подозревает об этом».

– Есть у меня ещё одна новость о переговорах в Чунцине, – продолжил Проценко. – Теперь их ведёт не Жэнь Биши, а Лань Цзухань. Неудачи гоминдановских войск в Хунани, и на других участках заметно усилили позицию делегации Особого района. Гоминдановские фронты трещат по швам. Среди американцев идут разговоры о том, что, якобы, воспользовавшись тяжёлым положением правительственных войск на фронтах, руководство Особого района приступило к организации новых своих баз на территориях, подконтрольных Гоминдану, со своими органами управления. И ещё одна небезынтересная деталь к переговорам. – Добавил

Проценко. – Делегация КПК выдвинула дополнительное условие: узаконить контроль КПК над городами Шанси, Хэбэе и Шаньдуном...

– На это Чан Кайши не пойдёт! – высказал своё мнение Владимиров. – Да и делегаты от КПК это прекрасно понимают. Следовательно, ждать какого-то продвижения в переговорах, я думаю, не приходится. – Посмотрел внимательно на Проценко и вдруг спросил: – Игорь Иванович, а не пора ли нам познакомиться с Аткинсоном?

Проценко, как показалось Владимирову, даже обрадовался.

– Без проблем! – ответил он. – Завтра Аткинсон едет с группой американских наблюдателей по местным гарнизонам. Вернётся, и я с ним поговорю...

Уже провожая Проценко до ворот, Владимиров поинтересовался:

– Игорь Иванович, а вы, случайно, не наблюдали за собой слежку?

– Да как вам сказать... – замялся тот. – Видел какого-то молодого шалопаю два дня тому назад. Он ходил за мной следом, а потом пропал...

– Будьте всё же осторожны, – посоветовал Владимиров. – Кан Шэн за всеми вами установил слежку...

До конца дня Владимиров успел подготовить донесение, попросил Риммара зашифровать его и отправить в Центр. В донесении он также попросил дать согласие на сближение с американским корреспондентом Аткинсоном. Вечером, когда приехал домой Орлов, Владимиров сказал ему о приходе Проценко и о своих намерениях поближе познакомиться с Аткинсоном. На это Орлов ответил:

– Давай попробуем... А у меня в госпитале сегодня тоже был гость – мой коллега лейтенант Уитлес. Приехал познакомиться. Прямо так и сказал.

– Ну что, познакомились? – чуть насмешливо поинтересовался Владимиров.

Он хорошо запомнил этого лейтенанта ещё в день прилёта. Уитлес выделялся среди всех высоким ростом и тощей фигурой. Ещё Владимиров обратил внимание на то, что на нём была новая форма, в отличие от других.

– Познакомились, – ответил Орлов. – Он охотно рассказал о себе: до 1933 года его семья жила в Германии, затем началось преследование евреев и коммунистов, и его семья выехала в Соединённые Штаты. Нормальный парень... Сказал, что в США много людей, которые сочувствуют Советскому Союзу. Есть и такие, которые готовы ехать к нам, чтобы воевать в рядах Красной Армии. Удивило его немало, что госпиталь расположен в пещерах, а не в городе. Да, и ещё!.. В субботу их всех приглашают на вечеринку в Яньцзялин...

– К Мао? – уточнил Владимиров.

– Не знаю... Он не сказал, а я счёл нужным не проявлять к этому интерес...

5

Седьмого августа в городе стало известно о прилёте в Яньань ещё одной группы из «миссии наблюдателей». Сразу после встречи в аэропорту с новой группой «наблюдателей», Проценко приехал к Владимирову на низкорослой лошади.

– Игорь Иванович, откуда у тебя появился такой транспорт? – не без удивления спросил Владимиров.

– Позаимствовал у одного местного лавочника. Не за спасибо, конечно, – ответил тот. – Раньше я ездил верхом...

Владимиров проводил Проценко в дом и напоил водой. Тот с облегчением вздохнул и признался:

– Думал по дороге, что изнутри начну закипать... Ну что, Пётр Парфёнович, докладываю: всё повторилось, за исключением удачно приземлившегося «Дугласа». Встречающих было много во главе с Мао Цзэдуном и Чжу Дэ. Потом откуда-то появился и Чжоу Эньлай. На этот

раз торжественная встреча проходила в здании аэропорта, однако, я заметил, что из самолёта вынесли четыре больших ящика. Я потом узнал: с радиоаппаратурой. Надо полагать, у вас теперь появятся конкуренты...

– Они уже есть! – ответил Владимир. – Риммар засек их радиостанцию...

...Восьмого августа из Чунцина впервые за последнее время пришла хорошая новость: правительственные войска освободили город Ханьян.

В этот же день радиостанция британского агентства «Рейтер» прокомментировало довольно подробно о возобновлении боёв союзных войск под командованием генерала Стиллуэла на Бирманском фронте, где было освобождено от японцев сразу несколько городов.

...На следующий день снова приехал Проценко, но уже с Аткинсоном. Владимир сразу обратил внимание на настороженную сдержанность Аткинсона. Внимательный и чуть требовательный взгляд, плотная фигура – всё говорило о наличии у него волевого характера. Проценко представил Аткинсона Владимиру и Риммару и добавил:

– ...Познакомьтесь. Это мои друзья и соратники по перу. В Яньани они с мая 1942 года...

Атkinson на вид был немного старше Владимира, однако не подавал руки, пока Владимир не протянул ему свою руку первым.

– Я рад знакомству с вами, – сказал Атkinson по-русски. – Мой друг, – и он указал на Проценко, – рассказывал о вас столько интересного...

– Вы хорошо говорите по-русски, – мягко прервал его Владимир.

– Я долго работал в Москве, – пояснил Атkinson. – К тому же у меня русские корни. Мой дедушка был женат на русской актрисе!

Владимир понимающе кивнул головой.

– Ну что... Проходите и присаживайтесь, – предложил он. – Надеюсь, от чая не откажетесь?

– Если он холодный, – ответил Атkinson.

– Есть и холодный.

Риммар ушёл на кухню за чаем, а Владимир продолжил:

– Мы уже ждём – не дождёмся, когда нам разрешат вернуться в Москву. Вам легче... Насколько я знаю, ваша миссия прибыла в Яньань на два месяца...

– Верно, – подтвердил Атkinson. – Однако, дай бог выдержать здесь и эти два месяца. Правда, Игорь Иванович сказал мне, что есть места и похуже, однако мне не верится...

И Атkinson чуть насмешливо глянул на Проценко.

– Напрасно ты так говоришь! – возразил тот. – А чем лучше Чунцин?..

В это время из кухни пришли Чан и Риммар. Они принесли большой заварной чайник, стаканы и земляные орешки. Чан разлил по стаканам чай и ушёл. Когда за ним закрылась дверь, Атkinson спросил, обращаясь к Владимиру.

– Скажите, это правда, что Чан Кайши в 1929 году учился в Москве в военной академии?

И Владимир почувствовал на себе внимательный взгляд Аткинсона.

– Правда, – ответил Владимир. – Он был на курсах переподготовки...

– А его сын тоже учился в Москве? – снова спросил он.

– И его сын учился в Москве, как и многие молодые люди из Китая.

На лице Аткинсона появилось откровенное недоумение. Он посмотрел на Проценко, затем снова перевёл взгляд на Владимира.

– Простите за любопытство, – проговорил он, – но почему тогда Чан Кайши не стал вашим другом?

Владимир усмехнулся.

– Вы знаете, мне проще ответить на вопросы, сколько стоит фунт дыма, или куда уходят деньги, чем на этот вопрос, – решил он уйти от прямого ответа.

Однако Атkinson всё понял и ещё раз извинился.

– Мне Игорь Иванович говорил, чтобы я не задавал глупых вопросов, – признался вдруг Аткинсон. – А я не послушал его совета... И всё же скажите, если можно, что на ваш взгляд представляет собой Чан Кайши?..

– А чай мы пить будем? – вмешался в разговор Проценко.

– Дельное предложение, – ответил Риммар и взял свой стакан с чаем. За ним последовали и другие. Владимиров глянул на Аткинсона и встретился с его выжидательным взглядом.

– Ну, хорошо, – проговорил он. – Я расскажу, что мне известно, а вы будете пить чай. Чан Кайши был один из самых близких к Сунь Ятсену соратников по революционной борьбе, а затем и в руководстве страной. В 1913 году Сунь Ятсен назначил Чан Кайши своим военным советником...

– Я ещё раз прошу простить меня, – прервал Аткинсон Владимирову, – но это правда, что Чан Кайши был японским офицером?

– Нет, – ответил Владимиров. – Он был курсантом японского офицерского училища. Это было, если мне не изменяет память, где-то в 1908 году.

Аткинсон скрестил на груди руки.

– Всё! Я больше вас не перебиваю.

– В 1923 году, сразу после возвращения из Москвы, – продолжил Владимиров, – Чан Кайши был назначен начальником военной академии. В биографии Чан Кайши есть одна интересная деталь. Во время учёбы в Москве он неоднократно встречался с Троцким, одним из руководителей Коминтерна Зиновьевым и Наркомом иностранных дел Чичериным. В 1924 году Чан Кайши назначается начальником Генштаба китайской армии. Через год умирает Сунь Ятсен и Чан Кайши становится во главе Гоминьдана и фактически руководителем Китая. Наша страна в это время оказывала Китаю большую помощь. Особенно в строительстве новой армии. В Китай были направлены самые талантливые наши военачальники, такие, как Блюхер. Однако в 1927 году Чан Кайши начинает преследовать китайских коммунистов и разрывает дипломатические отношения с Советским Союзом. Но уже в 1931 году, когда Япония захватила Маньчжурию, он обратился в Москву с просьбой восстановить дипломатические отношения. А в 1937 году, когда японские войска вторглись в центральные районы Китая, между СССР и Китаем был подписан договор о взаимном ненападении. Даже при таком странном названии договор предусматривал оказание китайскому правительству военно-технической и экономической помощи. В то время СССР был единственной в мире страной, которая выступила в поддержку молодой китайской республики. Вот, пожалуй, и всё, – закончил рассказ Владимиров. Аткинсон часто закивал головой.

– А я представлял себе всё немного по-другому... – признался он.

– Как именно? – спросил Владимиров.

Аткинсон слегка замялся.

– Как вам сказать... Я полагал, что Чан Кайши вёл двойную игру и с Москвой, и с Вашингтоном, однако все карты ему спутали японцы... Но, как говорят у нас, брак – зло, но необходимое зло. А политические браки довольно распространённое явление в наше время...

Глава восьмая

1

Переговоры с американцами в Яньцзялине проходили за закрытыми дверями: в местных газетах ни слова о переговорах. И двенадцатого августа Владимиров, чтобы что-то узнать, снова поехал к Бо Гу. Тот встретил его, как всегда, радушно. Угостил чаем, который заварил сам и уже после этого сказал.

– А теперь я слушаю вас...

– Я бы хотел узнать что-нибудь о переговорах с американцами, – сказал Владимиров. – Газеты не пишут...

– И навряд ли будут писать, – прервал его Бо Гу. – Всё дело в том, что у нас не переговоры, а медовый месяц с ними. – И, заметив недоумение на лице Владимирова, пояснил: – Идут сплошные вечеринки, а между ними, как бы мимоходом, разговоры о наших отношениях и о нашем будущем!..

И Бо Гу выразительно развёл руками. Всё это не было похоже на Мао Цзэдуна. И потому Владимиров спросил.

– Может, у руководства Особого района изменились планы?

– Нет, – ответил Бо Гу. – но буквально на днях Мао в разговоре со мной высказал мысль о возможном переименовании партии, чтобы её название не вызывало негативной реакции у американцев.

Владимиров был ошеломлён услышанным. Переименовать партии ради каких-то, пусть и благих целей, по его мнению, было не просто ошибочным шагом.

– Он, наверное, пошутил, – попытался возразить Владимиров, понимая в то же время бессмысленность своего возражения.

– Нет. Он говорил вполне серьёзно, – ответил Бо Гу. – Более того, несмотря на возражение Чжу Дэ, американцам, по их просьбе, предоставлены все данные о четвёртой и восьмой армиях: места дислокации их частей и подразделений, количество личного состава, вооружения и оперативных планах...

Владимиров слушал Бо Гу и не верил своим ушам.

– А что американцы обещают взамен? – не выдержал Владимиров.

– Ничего, – мрачно ответил Бо Гу. – Улыбаются, хлопают наших по плечу и говорят, что мы хорошие ребята и вместе с нами свернём шею японцам. Но у нас другие планы. Вы это знаете. Мы собираемся свернуть шею вовсе не японцам!..

Владимиров вернулся домой с ещё большим грузом озабоченности, чем был у него до этого. Из головы не выходили слова Бо Гу, которые он произнёс, прощаясь с ним: «... Немецкий историк Иоган Гердер относительно нас сказал, что мы закрылись от всего мира и превратились в рабов. Может это так и есть.»

...Как обычно вечером за ужином Владимиров поделился с Орловым своим впечатлением, оставшимся от встречи с Бо Гу.

– Ну, насчёт переименования партии Мао, по-моему, хватил лишнее, – сказал Орлов. – Не дадут ему это сделать. Да он и сам не осмелится на переименование. А вот то, что они передали за спасибо оперативные сведения о своих вооружённых силах американцам – это напрасно. Американцы на такое не поведутся... Сегодня ко мне в госпиталь привезли лейтенанта Хитча с пулевым ранением в бедро. Пьяного в стельку. Пришлось прооперировать. Жить будет, но хромотой себя обеспечит надолго...

– А что случилось? – спросил Владимиров.

– А чёрт их знает! – махнул рукой Орлов. – Сначала те, кто привёз его, сказали, что Хитч поспорил с кем-то из-за девушки-китайки. Но когда я сказал, что мне надо об этом сделать запись в журнале приёма о случившемся, они чуть ли не наперебой стали говорить, что Хитч чистил свой пистолет и нечаянно выстрелил в себя. Вот такая история...

Он хотел ещё что-то добавить, но в это время из радиоузла появился Риммар и объявил:

– А у меня целый воз новостей! Берлинское радио сообщило о казнях участников заговора против Гитлера. В Италии распущен Сенат. А под Люблином на территории концлагеря обнаружены останки трёх тысяч уничтоженных здесь невольников...

– Коля! – остановил его Орлов. – Лучше скажи, что на наших фронтах делается.

– Наши наступают, – лаконично ответил Риммар. – А можно и мне с вами поужинать? – И посмотрел на часы. – Успею. У меня есть ещё десять минут до выхода в эфир Совинформбюро.

После того, как Риммар поел и ушёл, Орлов продолжил разговор.

– Цзян Цин сегодня приезжала. Вся сияет от счастья.

– Мао ей какой-то подарок сделал? – усмехнувшись, спросил Владимиров.

– Не угадал!.. Американцы дарят ей цветы чуть ли не каждый день! – пояснил Орлов.

– Это она тебе сама сказала?

– Сама, – ответил Орлов. – Я больше чем уверен: она это мне сказала специально, чтобы я передал тебе...

...Уже поздно вечером Владимиров, подменивший Риммара у радиоприёмника, принял шифровку от «Кедра». Пришлось идти будить Риммара.

– Не повезло тебе, Коля, – сказал он. – Шифровка от «Кедра». Вставай...

Риммар появился в радиоузле через пару минут. Ещё через несколько минут у него ушло на расшифровку текста. В нем сообщалось, что в Японии объявлена тотальная мобилизация. В городах начато формирование вооружённых отрядов самообороны, в которые включают даже женщин и подростков. Барон Судзуки назначен императором президентом тайного Совета. Прочитав текст шифровки, Владимиров усмехнулся.

– Умереть со славой это, конечно, хорошо, – сказал он. – Только японцам от такой славы легче не будет...

2

В ночь с шестнадцатого на семнадцатое августа Совинформбюро сообщило об итогах боёв советских войск на центральном и южном направлениях. К этому времени, по сведениям Совинформбюро, ожесточённые бои шли в Латвии по всей линии от озера Лубана до Екабпилсу и по Западной Двине, охватывала Митаву и выходила к Рижскому заливу недалеко от Кемери, поворачивала на юг и через северную Литву шла рядом с городами Добела, Жигара и Шауляя, и уже оттуда к реке Невежи, и далее через Неман к железной дороге, соединяющей Каунас с Вирбалисом. В ходе наступательных боёв немецкая группа армий «Север» лишилась коммуникаций, связывающих её с Германией. В ещё более сложном положении оказалась неприятельская группа войск «Нарва», где практически прекратили сопротивление третья танковая армия и восемнадцатая моторизованная. С боями откатывалась на Запад и немецкая группа армий «Центр». Наибольших успехов в боях по изгнанию фашистов с родной земли добились войска Первого Украинского фронта. По сведениям Совинформбюро по состоянию на шестнадцатое августа войска фронта уничтожили до ста пятидесяти тысяч солдат и офицеров противника, около полутора тысяч танков и самоходных орудий, более пятисот самолётов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.